

XVIII

Выехав из темного бора, мы очутились на довольно ровном месте, в котловине, окруженной с трех сторон стеной того же непроходимого леса, где, вероятно, и в полдень лежат ночные тени. Мы находились теперь около 2000 футов¹ над подошвой Виндской² цепи, так как прямо над нашими головами виднелись высокие развалины стен Манду.

Неожиданно подул довольно холодный ветер и чуть не погасил³ все наши факелы. Пойманный в лабиринте скал и кустарника, он вдруг завыл, яростно потряс зелеными перьями цветущей моринги, вырвался и, пронесшись вихрем кругом котловины, полетел по ущелью, вопя и заливаясь, точно все лесные духи выли похоронные песни по ведьмам гор...

– Мы приехали! – объявил Шамрао⁴, слезая с лошади. – Вот деревня, а дальше ехать нельзя.

– Куда приехали?.. И где же деревня... Здесь один лес!

– Деревни и домов вы ночью не увидите. Землянки все скрыты меж кустарников, а многие, вырубленные в скалах, мало отличаются от них и днем. Огня же никто здесь не зажигает после заката солнца... Боятся духов, – пояснил он.

– А где же ваша ведьма? Неужели нам придется глядеть на нее в темноте?

Шамрао⁵ пугливо оглянулся кругом, и голос его заметно дрожал во время ответа нам⁶:

– Прошу вас и умоляю, не называйте ее *даккин[и]*⁷ (ведьмой)... Она может услышать вас... Теперь нам недалеко до нее, хотя вам и придется идти пешком... с полмили. Туда к *ней* и лошадь, не только что слон, не пройдет. У *ней* мы найдем огонь...

Сюрприз выходил довольно неприятный. Идти ночью полмили в Индии, пролезая сквозь чащи кактусов в дремучем лесу⁸, полным зверей! Мисс Б*** решительно протестовала и объявила, что не пойдет, а останется ожидать нас, не слезая со слона, в *хауде*, где может преспокойно заснуть. Она так и сделала.

Нараян, протестовавший против этой *partie de plaisir*⁹ с самого начала, хотя и не объясняя нам почему, заметил ей, что она очень благоразумно поступает в этом случае.

– Вы ничего не потеряете, отказавшись от свиданья с *даккини*... И я очень бы желал, чтобы вашему примеру последовали и другие...

– Но какой же вред может выйти¹⁰ от этого? – настаивал Шамрао¹¹ немного огорченным голосом, так как он первый затеял эту поездку. – Не говоря уж о том, что наши гости будут иметь случай увидеть чрезвычайно любопытное зрелище «воплощения богов», зрелище редкое и которое не всякому европейцу удастся видеть, «кангалимм[а]» – женщина-святая... Она пророчица и ее благословение, хотя она и язычница, не может никому повредить... Я настаивал на этой поездке из чистого патриотизма...

– Если ваш патриотизм, сааб, состоит в том, чтобы хвастаться пред иностранцами мерзейшими язвами нашей без того униженной, почти задохшейся в грязи родины, то почему же вам скорее не пришло в голову собрать властью *пателя* всех прокаженных в вашем околотке и похвастаться пред вашими гостями *ими*? – отвечал со странною горечью Нараян.

Боясь ссоры между индусами, полковник заметил, что теперь уж поздно каяться. К тому же, хотя он сам в «воплощения богов» не очень верит, но знает, что так называемое на Западе¹² *беснование* есть факт. Суд, недавно свершившийся в России над тихвинскими крестьянами,

¹ 610 м.

² Виндхьяской (англ. Vindhya).

³ В «Московских ведомостях»: задул.

⁴ В «Московских ведомостях»: Шамрао.

⁵ В «Московских ведомостях»: Шамрао.

⁶ В «Московских ведомостях»: заметно задрожал, отвечая нам.

⁷ дакини (санскр. dākinī).

⁸ В «Московских ведомостях»: ночью целые полмили в Индии, пролезая чрез чащи кактусов и окруженные дремучим лесом.

⁹ увеселительной прогулки (фр.).

¹⁰ В «Московских ведомостях»: выйдти.

¹¹ В «Московских ведомостях»: Шамрао.

¹² В «Московских ведомостях»: западе.

которые сожгли Аграфену-ведьму¹³, – доказательство действительного существования странной и таинственной болезни, называемой на Западе «медиумством», а в России «кликучеством». Полковник желал¹⁴ изучать всякие такие психические явления, где бы и под каким бы видом они ни являлись, с научной точки зрения...

Странное зрелище представилось бы глазам наших американских и европейских друзей, если б они могли увидеть нас среди этого ночного шествия! Дорога шла узкою тропой в гору, и по ней нельзя было пройти более чем по два в ряд, а нас было тридцать человек¹⁵ с факельщиками. В полковнике, вероятно, проснулось воспоминание о его ночных вылазках против конфедератов¹⁶, и он тотчас же принял на себя команду над нашею экспедицией. Эта команда, впрочем, ограничилась весьма немногим. Зарядив револьверы и ружье, он послал трех факельщиков вперед освещать дорогу, чтоб они сделали и сами, – и скомандовал: марш¹⁷! Теперь нам нечего бояться конфедерации тигров, и мы можем идти спокойно. Извиваясь огненным змием по лесу, наша процессия медленно поползла вверх по тропинке.

Нельзя сказать, чтоб явившееся полчаса позднее в берлогу пророчицы Манду¹⁸ общество отличалось особенною свежестью или изяществом туалетов. У полковника и У*** дорожные блузы были в лохмотьях, как и мое платье. Кактусы собрали с нас посильную дань по дороге; а во взъерошенных волосах бабу¹⁹ копошилась целая колония светляков и длинноногих трещоток-сверчков, неотразимо привлекаемых к его голове, вероятнее всего, запахом кокосового масла. Толстый Шамрао²⁰ пыхтел, как паровая машина. Один Нараян, высказав свое мнение, вернулся к своему невозмутимому хладнокровию, походя во всякое время дня и ночи, а теперь в особенности, на бронзовую статую Геркулеса с палицей.

При последнем повороте, где нам пришлось лезть вверх по огромным обломкам скал, мы очутились на тропинке, которая вела далее по ровной окраине густого леса. Когда это последнее препятствие было побеждено, наши глаза были неожиданно и несмотря на наши факелы ослеплены необычайным светом, а слух поражен самыми непривычными звуками.

Пред нами открылась другая котловина, вход в которую чрез²¹ пройденное нами ущелье маскировался только что обойденным лесом. Как мы потом сообразили, можно было ходить

---

¹³ «Эпидемия кликушества в России прививалась издавна то в той, то в другой местности. <...> Одна из таких эпидемий кликушества, развившаяся в 1879 г. в деревне Врачево Тихвинского уезда Новгородской губернии, кончилась даже сожжением подозреваемой в “порче людей” крестьянки [Аграфены] Игнатъевой. “Убеждение, что Игнатъева – колдунья находило себе поддержку в нескольких случаях нервных болезней, которым подвергались крестьянки той местности, где поселилась Игнатъева. Около Крещения 1879 г. Игнатъева приходила в дом к крестьянину Кузьмину и просила творугу, но в этом ей отказали; вскоре после того заболела его дочь, которая в припадке выкрикала, что попорчена Игнатъевою. Такою же болезнью была больна крестьянка деревни Передниково Марья Иванова. Наконец, в конце января 1879 г. в деревне Врачево заболела дочь крестьянки Екатерина Иванова Зайцева, у которой ранее того умерла от подобной же болезни родная сестра, выкликавшая перед смертью, что попорчена Игнатъевой”. Так как Иванова выкрикала, что попорчена Игнатъевою, то ее муж, отставной рядовой Зайцев, подал жалобу уряднику, который и приезжал во Врачево для производства дознания за несколько дней до сожжения Игнатъевой. “Крестьянин Никифоров просил крестьян защитить его жену от Игнатъевой, которая будто бы собирается ее испортить, как об этом выкрикала больная Екатерина Иванова. Игнатъеву заперли в хате, заколотили окна и сожгли. 3-х участников приговорили к церковному покаянию, остальные признаны невиновными”» (*Бехтеев В.М.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908. С. 83–84). См. также: Дело о сожжении колдуньи // *Новости*, 1879, №264, 15 октября; Народный самосуд // *Новости*, 1879, №266, 17 октября; *Белюстин И.С.* Порченые // *Новое время*, 1879, №1327, 7 ноября.

¹⁴ В «Московских ведомостях»: Он желает.

¹⁵ В «Московских ведомостях»: пройди более чем вдвоем рядом, а нас было целых тридцать.

¹⁶ Конфедеративные Штаты Америки, известные также как Конфедеративные Штаты, Конфедерация или Юг, Южане – де-факто независимое государство, существовавшее в период с 1861 по 1865 г. в южной части Северной Америки, на части территории современных Соединенных Штатов Америки. Конфедерация южных штатов образовалась в результате выхода 13 южных рабовладельческих штатов из состава США. Конфедеративные Штаты были противником Соединенных Штатов во время Гражданской войны в США. Потерпев поражение в войне, Конфедеративные Штаты прекратили свое существование.

¹⁷ В «Московских ведомостях»: скомандовал марш.

¹⁸ В «Московских ведомостях»: Манду.

¹⁹ В «Московских ведомостях»: бабу.

²⁰ В «Московских ведомостях»: Шамрао.

²¹ В «Московских ведомостях» далее: только что.

вокруг этого заколдованного леска неделю и даже не подозревать о котловине, в²² глубине которой мы увидели жилище знаменитой *кангалиммы* – колдуньи и оракула всего околотка.

«Логовище» оказалось довольно хорошо сохранившеюся развалиной древнего индусского храма; вероятнее всего, он был построен гораздо ранее «мертвого города», где не дозволялось язычникам иметь своих храмов, – так как эта полуразвалина находится как раз под тем, что было некогда городской стеной и вне линии последней. Купола двух боковых небольших пагод провалились и из алтарей храмов повырастали огромные кусты, в тот вечер исчезающие под разноцветными тряпками, горшочками и другими талисманами народного суеверия, которое даже в них видит нечто божественное... «Разве не выросли они на священном месте? В их фибрах не течет разве сок, весь пропитанный фимиамом жертвоприношений и испарениями святых отшельников, некогда живших и дышавших здесь?» – отвечал нам в виде вопросов на наши замечания ученый, но суеверный Шамрао²³.

Зато средний храм, выстроенный из красного гранита, был еще крепок, и сквозь его четыре толстые колонны чернело бы, если бы не мешала дверь²⁴, глубокое отверстие, прорытое под горой. Что было за дверью, никто не знал. По уверению Шамрао²⁵, еще ни одна нога живого существа из трех последних поколений не переступала за эту толстую, обитую железом дверь, ведущую во внутренность подгорного храма. Кангалимм[а] жила там одна, и в памяти старейших обитателей *всегда* жила там. Одни говорили, что ей 300 лет; другие уверяли, будто один древний старец сознался пред смертью сыну, что старуха – *его родной дядя!* Последний удалился в пещеру спастись и прокладывать себе дорогу к *мокше* еще в те времена, когда «мертвый город» считал несколько сот последних своих обитателей. Пустынник не принимал никого, и чем и как он жил, никто того не знал и не знает. Но вот давно, очень давно, еще в те дни, когда *беллати* не владели этими горами, старый отшельник внезапно превратился в старую отшельницу; и с тех пор она, продолжая его занятия, говорит его голосом и часто его именем, и только стала принимать поклонников, чего ее предместник никогда не делал.

Мы, видно, приехали рано, и пифия еще не выходила. Но площадка пред храмом была полна людей, и весьма дикую, хотя и живописную картину представлял этот народ.²⁶ Громадный костер пылал на середине двора, и вокруг него копошились, словно черные гномы, голые дикари, подбрасывая в него целые ветви посвященных «семи сестрам-богиням» дерев²⁷. Медленно и мерно подскакивали они с одной ноги на другую, повторяя хором монотонную фразу, все одну и ту же и на тот же напев, под аккомпанемент нескольких туземных бубнов и барабана. Глухо раздавалась однообразная трель последнего, и ей вторило лишь лесное эхо да истерические всхлипыванья двух девочек, лежавших под кучей листьев возле костра. Их принесли матери, надеясь, что «богини» сжалятся над ними и выгонят овладевших ими двух злых духов. Обе они, еще молодые женщины, сидели над детьми на корточках, подгорюнившись, и тупо смотрели на огонь. При нашем появлении никто из присутствовавших даже не шевельнулся. Да и во все время пребывания нашего с ними все они действовали, как бы не видя нас. Если бы на нас была надета шапка-невидимка, то и тогда вряд ли кто из них мог поступать страннее.

– Это они все чувствуют приближение богов... Вся атмосфера полна их эманациями, – таинственно объяснял нам Шамрао²⁸, благоговейно озираясь на тех, кого его возлюбленный Геккель мог бы с полною справедливостью принять за «недостающее звено» – за чад своего «*Батибиуса геккелии*»²⁹.

²² В «Московских ведомостях»: на.

²³ В «Московских ведомостях»: Шамрао.

²⁴ В «Московских ведомостях»: бы, когда бы дверь не мешала.

²⁵ В «Московских ведомостях»: Шамрао.

²⁶ В «Московских ведомостях»: народ!

²⁷ В «Московских ведомостях»: священных – «семи сестрам-богиням» – дерев.

²⁸ В «Московских ведомостях»: Шамрао.

²⁹ *Bathybius haeckelii* (лат.).

В 1868 году Томас Гексли (1825–1895), английский зоолог, палеонтолог, эволюционист и агностик, исследовал морские пробы, взятые в 1857 году из глубин Северной Атлантики, и обнаружил в них тонкий слой вязкого студенистого осадка, содержащего гранулы, похожие на ядра клеток. Он подумал, что это и есть монеры Геккеля и назвал их *Bathybius haeckelii* в честь немецкого биолога. Э.Геккель обратил внимание на это великолепное

– Они просто под влиянием *тодди* и опиума, – срезал его непочтительный бабú.

И действительно, как сонные тени двигались те из них, которые не принимали прямого участия в «представлении», а принимавшие³⁰ напоминали нам одержимых пляскою Св. Вит[т]а в группе Пэджа. Один из них, длинный белый, как лунь, и худой, как скелет, старик, отделившись при нашем приближении из толпы, распутив руки крыльями, стал вдруг крутиться на одной ноге, громко скрежеща желтыми и длинными, как у старого волка, зубами. На него было страшно, отвратительно смотреть! Он скоро упал, и безмолвно, почти механически его откатали *ногами* (!) в сторону, к больным девочкам³¹. Но то ли еще ожидало нас! Ведь сказка наша впереди...

В ожидании «примадонны» этой лесной оперы мы уселись, как могли, на пне старого упавшего дуба у самого портика храма³², приготавливаясь забросать нашего снисходительного хозяина вопросами. Но не успели мы сесть, как с нервным чувством неподдельного изумления и даже отчасти ужаса я быстро откинулась назад...

Предо мною стоял остов чудовищной головы зверя, подобного которому я ничего не находила в моих зоологических воспоминаниях.

Эта голова была гораздо более головы слоновьего скелета... То был, однако, слон, если судить по искусно приделанному хоботу³³, конец которого изгибался гигантскою черною пиявкой почти у моих ног. Но у слона нет рогов, а у этого целых четыре! Передняя пара на плоском лбу торчала, слегка закручиваясь вперед и раздаваясь в обе стороны, как рога быка, а за ними другие два, массивные, с широкою, как у оленя, перепонкой у корня, которая постепенно суживалась почти до середины рога, откуда³⁴ они разветвлялись в обе стороны на такую гигантскую высоту, что могли бы, кажется, украсить³⁵ головы десяти обыкновенных оленей.³⁶ В пустых впадинах черепа были вделаны два подобия глаз из выделанной желтой и прозрачной, как янтарь, кожи носорога³⁷; а за этим подобием глаз горели две зажженные площадки, что придавало голове еще более ужасный, просто дьявольский вид.

– Да что ж это такое, наконец! – послышалось общее восклицание. Даже полковник не встречал ничего подобного и не мог узнать зверя.

– *Сиватериум*³⁸, – отвечал Нараян. – Разве вы не видали остовов этих допотопных зверей в европейских музеумах?... Странно; в Гималайских горах их находят в большом количестве, хотя и в раздробленном состоянии... Они так названы в честь бога Шивы.

подтверждение его теорий – батибиус, вне всяких сомнений, является ключом к познанию жизни в море, сущностью эволюции и недостающим звеном между неживой и живой материей. В 1872 году, спустя четыре года после открытия, сделанного Гексли, специальная экспедиция на корабле «Челленджер» отправилась в море, чтобы собрать как можно больше данных об этом веществе. Однако за три с половиной года плавания и бесконечных отборов проб со дна морей, никаких его следов обнаружено не было. После возвращения «Челленджера» из экспедиции специалисты провели множество опытов и установили, что батибиус образовался в результате добавления спирта в морскую воду для консервации образцов животных. Реакция спирта и морской воды дала аморфный осадок сульфата кальция. Все эти «монеры» и «батибиусы» оказались простыми комочками гипса.

«Не так обстоит дело с теорией профессора Гексли о “Физической основе жизни”. Невзирая на угрожающее большинство “нет” со стороны его германских собратьев-ученых, он создает универсальную *протоплазму* и дает назначение ее клеткам отныне стать священными источниками принципа всей жизни. Провозглашением последней идентичной в живом человеке, в “мертвой баранине”, в жалящей осе и в омаре; заключением жизненного принципа в молекулярную клетку протоплазмы и лишением ее божественного вдохновения, приходящего в течение последующей эволюции, он как бы запирает все выходы, не оставляя лазейки. Как умелый тактик, он превращает свои “законы и факты” в часовых, которые должны нести стражу во всех спорах. На знамени, под которым он их собирает, написано “необходимость”; но как только он успел его развернуть, – он высмеивает эту надпись и называет ее “пустая тень моего собственного воображения”» (*Блаватская Е.П.* Разоблаченная Изида. В 2 т. Т. 1. М., 2011. С. 84).

³⁰ В «Московских ведомостях»: «представлении». А последние.

³¹ В «Московских ведомостях»: сторону, рядом с больными девочками.

³² В «Московских ведомостях» далее: и.

³³ В «Московских ведомостях»: головы скелета слона... То был, однако, слон, если можно было судить по искусно приделанному к его черепу чучелу хобота.

³⁴ В «Московских ведомостях»: рога; откуда.

³⁵ В «Московских ведомостях»: снабдить.

³⁶ В «Московских ведомостях»: оленей!

³⁷ В Раджистане из такой кожи делают щиты. Они очень дорого стоят и носятся только богатым классом раджпутов. – *Примечание Е.П. Блаватской.*

³⁸ Сиватерии (*лат. Sivatherium*) – род ископаемых млекопитающих семейства жирафовых.

Признаюсь, мне в первый раз доводилось видеть это страшилище, которое Сенковский³⁹ позабыл представить нам в своем допотопном романе наряду со спасающим влюбленную чету мамонтом⁴⁰. Но лучше поздно, чем⁴¹ никогда. И вот мы теперь стояли лицом к лицу с этим интересным чудовищем.

– Если коллектор (collector), когда узнает о существовании этого остова у вашей ведьмы, – вставил словцо бабу́, – то недолго он станет украшать сие святилище...

Возле остова и рассыпанные на полу портика лежали кучи белых цветов, если не совсем допотопных, то, по крайней мере, неизвестной нам, профанам в ботанике, породы. Они были величиной с большую розу и посыпанные красным порошком «лал» – неизменною принадлежностью всех религиозных церемоний сей страны. Далее валялись кокосовые орехи, стояли медные блюда с рисом, в которых горели воткнутые в рис разных цветов свечи, а посреди портика курилась окруженная высокими в больших медных канделябрах свечами странной формы жаровня, на которую мальчик в белом одеянии и такой же белой *пэггари* на голове то и дело подбрасывал ладон и другие порошки.

– Эти люди, – рассказывал нам Шамрао⁴², – хотя и поклоняются кангалим[ме] как воплощению богинь, не принадлежат ни к ее, ни к его секте. Они чертопоклонники и индусских богов не признают, а живут разбросанные на маленькие общины в горах и принадлежат к одной из⁴³ многочисленных в Индии рас, известных под именем «холмовых» или «горных племен», *hill-tribes*. Они не употребляют, как то делают шанары⁴⁴ в южном Траванкоре и Тинневелли⁴⁵, кровь приносимых ими в жертву чертям животных и зверей; не строят особенных храмов этим *бхутам*⁴⁶, храмов, которые они называют *пé-ковиль*, или «чертов дом»; но почему-то воображают, что богиня Кали, супруга Шивы, с незапамятных времен питает к ним злобу и поэтому посылает своих избраннейших, служащих ей злых духов мучить их. За эту разницу они верят в то же, во что верят и шанары. Они не признают Бога и взирают *даже* на Шиву как на простого духа. Но главная их вера в души умерших людей. Эти души, как бы они добры и честны ни были при жизни, тотчас же после смерти делаются злыми чертями, радуясь и чувствуя себя счастливыми, когда могут мучить людей и скот. В этом-то и состоит награда их добродетельных земных подвигов; и напротив, если человек был очень злым на земле, то он, делаясь поневоле *добрым* «чертом», мучится своим бессилием и делается весьма несчастным. Результаты этой странной логики вовсе недурны, однако. Эти дикари и чертопоклонники – добрейшее и честнейшее из всех холмовых племен в Индии, так как они стараются всеми силами заслужить величайшую посмертную награду – быть произведенными в злейших чертей!

И развеселенный собственным остроумием, Шамрао⁴⁷, рассказывая нам это, держал себя за бока от сдерживаемого из уважения к святости места хохота.

– Я ездил в прошлом году по делам в Тинневелли, – продолжал он, – и, живя у одного приятеля моего шанара, был допущен видеть одну из таких церемоний в честь чертей. Из европейцев, несмотря на хвастанье миссионеров, еще пока ни один не был допущен на подобный обряд, хотя между обращенными в христианство шанарами есть и описывавшие⁴⁸ им эти церемонии. Приятель мой был богатый человек, и черти на него, должно быть, особенно за это взъелись. Они мучили его семейство, отравляли скот, портили посевы, заставляли гнить кофейное дерево и истязали его многочисленную родню, посылая на своих жертв солнечные удары, безумие и эпилепсию, каковыми болезнями они особенно заведуют. Эти злющие черти поселились во всех

³⁹ Осип Иванович Сенковский (1800–1858) – востоковед, писатель, редактор журнала «Библиотека для чтения».

⁴⁰ Речь идет о повести О.И.Сенковского «Ученое путешествие на Медвежий остров» (1833).

⁴¹ В «Московских ведомостях»: нежели.

⁴² В «Московских ведомостях»: Шамрао.

⁴³ В «Московских ведомостях» далее: тех.

⁴⁴ Шанары (*санскр.* Shânâr) – одна из низших каст в южной Индии; главным наследственным занятием ее членов служит возделывание кокосовой и пальмировой пальм и добывание их сока.

⁴⁵ Тинневелли (*англ.* Tinneveli).

⁴⁶ Эти «черти», по понятиям *шанар[ов]*, не особенные духи, а просто души умерших злых людей. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁴⁷ В «Московских ведомостях»: Шамрао.

⁴⁸ В «Московских ведомостях»: есть которые и описывали.

углах его обширных владений: в лесах, в развалинах и даже в его хлевах. Поэтому он покрыл всю свою землю храмами – пирамидами из глины, вымазал и выбелил их и, украсив каждую портретом одного из чертей... то есть не портретом, а только абрисом человеческой головы, стал молиться, покорнейше прося их каждого⁴⁹ собственноручно изобразить свой портрет в абрисе, так чтоб его можно было узнать, обещая после этого поклоняться оному и чтить узнанное лицо духа как полного хозяина той пирамиды, на которой он начертит свою физиономию... И что ж вы думаете? На другое же утро все пустые места были найдены зарисованными! На каждом был изображен до невероятия похожий портрет одного из местных покойников. Почти все были узнаны моим приятелем; между⁵⁰ прочими он нашел портрет и своего отца!

– И что ж?.. Рад он был этому?..

– Конечно, он остался доволен. По крайности, мог всегда знать затем, как угодить черту-покойнику. Об отце-то он не очень беспокоился, потому что старик был при жизни крутого характера... Раз чуть не сломал⁵¹ сыну обеих ног, треснув его изо всей силы железною перекладиной... Ну, стало быть, и не мог быть очень опасным чертом. А вот другой портрет, найденный на самой удобной и красивой из пирамид, так очень поразил моего приятеля и заставил его сильно струсить... Весь околоток узнал в нем одного задолго до того умершего английского офицера – капитана Пол[а] (Pole)⁵², добрейшего при жизни джентльмена!..

– Как?.. Неужели же он и ему стал поклоняться?

– А как же? Мистер Пол был таким достойным, справедливым и честным чиновником, что разом должен был заслужить после смерти одно из высших мест в сонме шанарских чертей. Он так и остался председателем⁵³ демоном всей этой деревни, и когда я приехал, жители всего околотка поклонялись ему. Посвященный ему *пé-ковиль* стоит рядом с *пé-ковилем Бхадракали*⁵⁴ (Гекаты⁵⁵ шанаров), место которой на том свете недавно получила жена некоего немецкого миссионера – тоже прекрасная при жизни леди и поэтому чрезвычайно опасная теперь... как женского пола черт.

– А как же им поклоняются? Расскажите, в чем состоит их обряд?

– Обряд этот заключается, главное, в пляске, песнях и жертвоприношениях. Шанары не имеют каст и священные обычаи индусов ими не соблюдаются. Они едят всякое мясо... Народ собирается возле назначенного жрецом *пé-ковиля*, начинает⁵⁶ бить в барабаны и резать домашнюю птицу, баранов, козлов. Поклоняясь мистеру Полу в знак особенного уважения к нему самому, его вкусам при жизни и особенно национальности, всегда резали быка или корову... В тот вечер обряды совершались главным жрецом. Он явился с ногами, покрытыми до колен звенящими браслетами, с покрытым колокольчиками жезлом, с распущенными волосами, в черной мантии, вышитой⁵⁷ фигурами разных страшнейших чертей, и с красными и белыми цветами на шее. При звуках рогов, барабанного боя и глубокого тона «чертова смычка»⁵⁸, – секрет фабрикация которого сохраняется между одними шанарскими жрецами, – он вышел и, подождав минуту, пока мистеру Полу угодно будет вселиться в его недостойное тело, он, вдруг высоко подпрыгнув на месте, приблизился к жертвенной корове и заколол ее на месте. Напившись горячей крови, он стал плясать... Но что это была за пляска! Вы знаете, я далеко не суеверен... (я возрадовалась⁵⁹ в душе, что мисс Б*** спокойно спит за полмили от нас слоне!), но когда я увидел этого, словно вдохновляемого всеми демонами *нарака* (ада), жреца, вертящегося с поразительно быстрой

⁴⁹ В «Московских ведомостях»: каждому.

⁵⁰ В «Московских ведомостях»: приятелем, и между.

⁵¹ В «Московских ведомостях»: сломил.

⁵² Исторически известный всем в Индии факт. Капитан Пол до сих пор у них главный демон. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁵³ председательствующим (*устар.*).

⁵⁴ Бхадракали («благая Кали») – одна из ипостасей богини Кали.

⁵⁵ Геката (*др.-греч.* Ἑκάτη) – древнегреческая богиня лунного света, преисподней и всего таинственного.

⁵⁶ В «Московских ведомостях»: *пé-ковиля* и начинают.

⁵⁷ В «Московских ведомостях»: зашитой.

⁵⁸ Род балалайки с тремя толстыми струнами из человеческих – как говорят – жил, на которых водят смычком из бамбука. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁵⁹ В «Московских ведомостях»: возрадовался.

волчка на одном месте, со мной чуть не сделалось дурно. Вдруг при бешеных криках и вое толпы он стал наносить себе окровавленным жертвенным ножом глубокие раны по всему телу. Видеть его, как он с пенящимся ртом и развевающимися волосами купается в крови закланной жертвы, смешивая ее с собственной, стало, наконец, выше сил моих. Со мною стало происходить нечто вроде галлюцинации. Мне представлялось, будто то я сам верчусь. И вот все быстрее и быстрее...

Шамрао вдруг прервал свой рассказ и разом онемел на месте.

Пред нами стояла кангалимм[а].

Мы все было смутились, до такой степени появление ее было неожиданно. Под влиянием рассказа Шамрао мы не видали ни как, ни откуда она явилась: и если б она выросла из-под земли, то этот факт не застал бы нас более неприготовленными и удивил бы не более, чем удивила нас ее поразительная личность.⁶⁰ Нараян вытаращил на нее свои большие черные глаза, а бабú смущенно щелкнул языком...

Вообразите себе трехаршинный⁶¹ рост, обтянутый коричневым сафьяном скелет⁶², на костлявых плечах которого посажена крошечная мертвая головка восьмилетнего ребенка! Глаза, глубоко впавшие и вместе с тем такие огромные, до такой степени пронизывающие вас насквозь своим дьявольским жгучим пламенем, что вы чувствуете под этим взглядом, как ваш мозг перестает работать, мысли начинают путаться, а кровь холодеет в жилах... Я здесь описываю свои личные чувства и описываю довольно слабо. Но и полковник, и У*** сильно побледнели, а У*** так даже плюнул.⁶³

Конечно, это впечатление длилось не долее нескольких секунд: и⁶⁴ когда ее мертвенно-пристальный и вместе жгучий взгляд оторвался от нас, чтобы перенестись на простертую пред ней толпу, оно также мгновенно изгладилось, как и явилось. Но все наше внимание сосредоточивалось теперь на этом замечательном создании...

Триста лет? Почему и как кому это знать? Судя по ее наружности, ей можно было дать с таким же вероятием или невероятием и тысячу⁶⁵ лет. Пред нами стояла неподдельная, живая или, скорее, одаренная движением мумия, до того высохшая, что она казалась как бы застывшею с самого сотворения мира. Ни время, ни невзгоды жизни, ни самые стихии не могли ни коснуться, ни даже повлиять более на эту статую смерти. Всесокрушающая рука времени, коснувшись ее в свой предназначенный час, сделала свое дело и – остановилась. Она не могла продолжать оно, ибо окончила его. Такою явилась пред нашими глазами колдунья «мертвого города».

И со всем тем⁶⁶ ни одного седого волоска! Длинные, черные как смоль, блестящие от кокосового масла и отсвечивающие каким-то зеленоватым блеском волосы тяжело падали прямыми как стрелы, густыми космами вдоль спины и до самых колен... «Говорят, у покойников... у вампиров растут в могилах волосы и отрастают ногти», – мелькнуло у меня в голове. И в то же время к величайшему моему стыду старалась⁶⁷ разглядеть ногти на руках и ногах отвратительно страшной старухи... А она?

Она стояла по-прежнему неподвижно, словно превратилась в безобразного бронзового идола, и устремив свои углем горящие глаза в толпу, раболепно лежащую в пыли у⁶⁸ ног ее. В одной руке она держала небольшое медное блюдо, на котором пылал большой кусок горячей камфоры, а в другой горсть рису. Желтоватое бледное пламя, развеваясь по ветру, почти касалось ее лица, лизало ей подбородок и освещало ее мертвенную голову, но она, казалось, не чувствовала и огня. Вокруг ее морщинистой, как гриб, тонкой, как косточка, шеи лежал тройной ряд не то

---

⁶⁰ В «Московских ведомостях» далее: Даже флегматический.

⁶¹ 2,13 м.

⁶² В «Московских ведомостях»: трехаршинного ростом, обтянутого коричневым сафьяном скелета.

⁶³ В «Московских ведомостях»: плюнул!

⁶⁴ В «Московских ведомостях»: секунд; и.

⁶⁵ В «Московских ведомостях» далее: как и триста.

⁶⁶ В «Московских ведомостях»: этим.

⁶⁷ В «Московских ведомостях»: же самое мгновение я поймала себя к величайшему моему стыду, что внимательно стараюсь.

⁶⁸ В «Московских ведомостях» предлог «у» отсутствует.

медных, не то золотых медальонов⁶⁹, а голову окружала такая же змея. На жалком подобии тела – кусок шафранного⁷⁰ цвета⁷¹ кисеи; вокруг торчащих ребер такой же...

Девочки, приподняв головы, вдруг завyli пронзительным животным воем, и их примеру последовал и старик. Тогда ведьма, судорожно встряхнув головой и будто приподымаемая на пружинах, медленно начала свою заклинательную молитву.

– *Ангатти энне-ангатти*⁷²!.. – шептал Шамрао⁷³, с которого лился крупный пот. – Богиня... одна из семи сестер уже вселяется в нее... Смотрите!..

Рекомендация была излишнею – мы смотрели во все глаза.

Сперва медленно, судорожно и как-то неровно засемила ногами колдунья; затем постепенно ее движения стали плавнее; и вот, будто приноровившись к выбиванию барабанной дроби, нагнувшись всем длинным телом вперед и угрем извивая его во все стороны, она понеслась с невероятной быстротой вокруг пылающего костра... Сухой лист, погоняемый вихрем, несется не⁷⁴ быстрее. Беззвучно падают на скалистую почву ее босые костлявые ноги; черные космы разлетаются, как стая змей, во все стороны, хлещут простирающих к ней руки больных зрителей, извиваются, словно живые... Кого ни заденет черная прядь на голове этой фурии, тот так и падает на землю, рыча от счастья, благодаря богиню и считая себя излеченным!.. То ведь не развевающиеся косы ведьмы хлестнули его, то сама *богиня*, одна из «семи», дотронулась до избранного!..

Быстрее, все быстрее летят дряхлые ноги; молодые, крепкие руки барабанщика еле поспевают за ними; а старуха все мчится вперед... Устремив неподвижный, мертвенный взор свой во что-то для всех невидимое, для нее одной присущее, она лишь по временам и на одно мгновение заглядывает в лица стоящих, пронизывая их насквозь этими взглядами; и⁷⁵ на кого взглянет она, на того и бросает зернами сухого риса. Маленькая горсточка кажется неистощимой, словно в морщинистой ладони спрятан мешок самого Фортуната⁷⁶. Но вот она вдруг останавливается будто вкопанная. После этой длившейся, по часам, ровно 12 минут бешеной скачки вокруг костра, вы думаете, она шатается, падает?.. Ничуть. Ни малейшего знака утомления, ни капли пота на мертвеном лице! Она остановилась лишь на две секунды, дабы дать время богине выскочить из нее. И вот в один прыжок, не посрамивший бы и дикой кошки, она перескакивает через костер и в один взмах уж очутилась в глубоком танке, возле портика, по горло в воде. Окунувшись один раз с головой⁷⁷, где под водой ею овладевает другая сестра-богиня, она снова выскакивает из колодца и ждет – олицетворенное подобие головы Медузы⁷⁸... Мальчик в белой одежде подает ей другое блюдечко с другим куском зажженной камфоры. И вот она опять несется.

И снова в продолжение уже 14 минут, по часам полковника, она мчится, и скачет, и прыгает, после чего окунается *два* раза с головой в колодце в честь *второй* сестры. И так с каждым новым «беснованием» она прибавляет по одному разу, пока дело не доходит до шести исчезновений под водой.

До сих пор мы еще не слышали ее голоса. Ее губы крепко сжаты и она их еще не разжимала. Теперь ровно *полтора часа* как она бежит, мчись во весь опор и ни разу не переводя духа. Во все

---

⁶⁹ медальонов (*устар.*).

⁷⁰ В «Московских ведомостях» далее: кровавого.

⁷¹ Шафрановый цвет – это цвет желто-оранжевый тонов.

⁷² Буквально «входит в человека». Самое же выражение означает, что дух, бес или какая другая невидимая сила начинает входить в избранное им тело. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

В «Московских ведомостях»: *Ангатти-энне... ангатти.*

⁷³ В «Московских ведомостях»: Шамрао.

⁷⁴ В «Московских ведомостях»: вихрем, не несется.

⁷⁵ В «Московских ведомостях»: взглядами: и.

⁷⁶ Фортунат – герой одноименного романа конца XV века, одного из наиболее популярных народных книг в Германии. Из всех замечательных даров, которые предлагает Фортунату встреченная в лесу волшебница, Повелительница счастья, он выбирает волшебный кошель, где всегда можно обнаружить десять золотых монет.

⁷⁷ В «Московских ведомостях»: головою.

⁷⁸ Горгона Медуза в древнегреческой мифологии – наиболее известная из трех сестер горгон (змееволосых чудовищ), чудовище с женским лицом и змеями вместо волос, ее взгляд обращал человека в камень.

это время она остановилась шесть раз, всего на несколько секунд при каждом перерыве... «Сестры» не мешкают; они знают свое дело... На то они и богини!

– Да что это, черт или женщина!.. – восклицает вполголоса полковник, в то время как голова ведьмы исчезает в шестой раз под водой.

– Будь я проклят, если знаю! – ворчит У***, нервно дергая себя за бороду. – Знаю только, что зерно ее чертова риса попало мне в горло и застряло там... Я не могу его выплюнуть...

– Тише... пожалу[й]ста⁷⁹, тише!.. – шепчет Шамрао⁸⁰. – Вы испортите все дело...

Я взглядываю на Нараяна и теряюсь в догадках... На его бронзовом, всегда столь спокойном, даже суровом лице теперь лежит тень глубокого, неподдельного страдания. Его губы судорожно сжимаются; болезненно прищуренные глаза светятся сквозь черные ресницы фосфорическим блеском глаз дикого зверя; а зрачки, расширенные, как у человека под влиянием морфия, и, по видимому, устремленные на черный лес пред нами, смотрят куда-то далеко, в неведомые и, быть может, никем невиданные страны... «Что это с ним?» – думается мне; но я не успеваю его спросить, потому что колдунья, оставляя за собою ручьи воды, снова пускается в бешеную погоню за собственной тенью. Но на этот раз она изменяет программу. Она уже не бежит, а порывисто скачет. То пригнувшись к земле с движением черной пантеры, она подскакивает к одному больному и, дотронувшись пальцем до лба дрожащего поклонника, смеется неслышным смехом, скаля зубы, как гиена; то отпрянув как бы от собственной тени, она кружится над нею, манит к себе, заигрывает с нею, являясь какою-то адскою карриатурой Диноры⁸¹ в ее «вальсе с тенью». Потом выпрямившись в один прыжок – она уже опять у курящегося под портиком алтаря, где она простирается пред ним, стучаясь лбом о гранитный помост; другой скачок – и она у остова чудовищного сиватерия и, падая перед ним ниц, снова разбивает камни лбом с глухим стуком пустого бочонка о мостовую. Последний прыжок – и она стоит, выпрямившись во весь огромный рост, на голове сиватерия между его четырьмя рогами...

С чувством ужаса и отвращения, который мы уже и не стараемся скрывать, мы все быстро пятимся назад, все, кроме Нараяна.

Он остается один возле чудовищной головы; сложив руки на груди, он смотрит в упор в лицо страшной колдуньи...

Но что это? Кто это вдруг заговорил таким глубоким, густым басом? То ее губы шевелятся, то из груди ужасной старухи вылетают эти быстрые отрывистые фразы; а между тем голос звучит глухо, точно он вылетает из-под земли...

– Тсс... тсс... – снова шепчет Шамрао⁸², дрожа всем телом. – Она пророчествует!..

– Либо она... либо «дядя»... – бурчит У***, скаля зубы и с улыбкой, которая должна казаться толстяку чисто демонскою в эту торжественную минуту.

– Горе, горе... вам! – гудит *голос*. – Горе вам, дети нечестивых «Джаи» и «Виджаи»⁸³, насмешливых, неверующих придверников великого Шивы, проклятых восьмьюдесятью тысячами⁸⁴ святых мудрецов⁸⁵! Горе вам, неверующим в богиню Кали и отвергающим нас, ее семь божественных сестер!.. *Асуры*⁸⁶... плотоядные, желтоногие коршуны!.. Друзья притеснителей нашей страны!.. Собаки, не гнушающиеся есть из одного корыта с погаными *беллатами*!!

– Ваша пророчица, как видно, пророчествует задним числом... – произносит У***, философически закладывая руки в карманы. – Это в ваш огород камешек, почтенный Шамрао⁸⁷...

⁷⁹ В «Московских ведомостях»: Тише... ради бога.

⁸⁰ В «Московских ведомостях»: Шамрао.

⁸¹ Динора – героиня одноименной оперы немецкого и французского композитора Дж. Мейербера (1791–1864).

⁸² В «Московских ведомостях»: Шамрао.

⁸³ История этих *ракшазов*, падших духов, найдется далее. Она весьма интересна <В «Московских ведомостях» далее: так как доказывает до некоторой степени тождество главных религиозных преданий народов>. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁸⁴ В «Московских ведомостях»: 80000.

⁸⁵ Джая и Виджая – по индуистскому преданию, двое слуг Вишну, которые оскорбили великих мудрецов четырех Кумаров и в наказание за это вынуждены были родиться три раза на земле как асуры и сразиться с Вишну в одном из его воплощений.

⁸⁶ Асуры.

⁸⁷ В «Московских ведомостях»: Шамрао.

– Гм!.. Да, кажется, и в наш с вами, – бурчит немножко⁸⁸ сконфуженный полковник.

Злополучный Шамрао⁸⁹ обливается потом ужаса и перебегает под черную тень леска, где мы приютились, подальше от ведьмы, от одного к другому, уверяя нас, что мы ошибаемся, что мы не довольно хорошо понимаем язык...

– Это она не об вас... Поверьте, не об вас!.. Это обо мне, потому что я служу... Она неумолима!..

– Ракшазасы!.. Азуры!.. Осмелившиеся явиться пред нами, богинями... в *обуви*... стоять в сапогах из кожи священной коровы... Будьте вы прокля...

Но ее проклятию не суждено было родиться в сей мир. Одно мгновение – и⁹⁰ огромная фигура Нараяна, навалившись⁹¹ плечом на сиватерия, переворачивает его вверх дном вместе с хоботом и беснующеюся на нем пифией. Еще секунда – и⁹² нам кажется, будто ведьма летит по воздуху – с помелом или без него, про то лучше знать Шамрао⁹³, – по направлению к портику; а какой-то плечистый с бритой головой брамин⁹⁴ катится кубарем вниз в провалье... Не⁹⁵ проходит и третьей секунды⁹⁶, как мы приходим к грустному заключению, правда, благодаря происшедшему общему смятению, скорее по стуку тяжело захлопнувшейся двери подземелья, нежели чему другому, что представительница на земле «семи богинь» обратилась в постыдное бегство, скрылась навсегда от наших любознательных взоров в своем низменном царстве!.. И что, наконец, ее густой, неземной и подземный голос – действительно голос чьего-нибудь «дяди»⁹⁷!..

⁸⁸ В «Московских ведомостях»: немного.

⁸⁹ В «Московских ведомостях»: Шамрао.

⁹⁰ В «Московских ведомостях»: мгновение, и.

⁹¹ В «Московских ведомостях»: повалившись.

⁹² В «Московских ведомостях»: секунда, и.

⁹³ В «Московских ведомостях»: Шамрао.

⁹⁴ В «Московских ведомостях»: браман.

⁹⁵ В «Московских ведомостях»: А не.

⁹⁶ В «Московских ведомостях» слово «секунды» отсутствует.

⁹⁷ «Вскоре после того, как мы поселились в Гиргауме, произошел случай, который Е.П.Б[лаватская] навсегда запечатлела в своем восхитительном произведении “Из пещер и дебрей Индостана”. Читатель сможет проследить, как полет ее блестящей фантазии изменил до неузнаваемости те простые “голые” факты, которые я излагаю, и из банального происшествия создал потрясающий колоритный роман. Однажды вечером мое внимание привлек звук, подобный монотонному барабанному бою. Продолжаясь в том же духе и дальше, он не сотрясал воздух, но лишь скучно и приглушенно пульсировал в вечернем воздухе. Один из слуг отправился узнать о его происхождении и через какое-то время вернулся, рассказав, что в соседнем доме бьют в тамтамы. Также он сообщил, что “знахарка” собирается стать одержимой “богиней” и отвечать на вопросы личного характера. Соблазн “поучаствовать” в столь странном действе побудил нас посетить это место и разобраться, в чем же там дело. Поэтому Е.П.Б[лаватская] взяла меня за руку, и мы пошли в соседний дом. В грязно оштукатуренной комнате площадью пятнадцать-двадцать квадратных футов мы увидели тридцать-сорок индусов из низшей касты, стоящих вдоль стен. На них были прикреплены лампы с кокосовым маслом, а в центре помещения на корточках сидела дикого вида женщина с распущенными волосами. Ее тело раскачивалось из стороны в сторону, а дергавшаяся голова, так же как и ее черные как смоль длинные локоны, совершала круговые, а иногда горизонтальные движения, подобные ремню кнута. Тут через заднюю дверь вошел юноша, неся широкую круглую тарелку с небольшой каймой, на которой рядом с несколькими шепотками красного порошка и блестящими зелеными листьями тли кусочки камфоры. Эту тарелку он поднес к лицу Сивиллы, она погрузилась в клубы камфорного дыма и стала с удовольствием его звучно вдыхать. Вскоре она вскочила на ноги, выхватила медную тарелку, начав водить ею направо и налево, и стала снова мотать головой. Затем, быстро перебирая ногами в такт тамтаму, она начала плавно перемещаться по комнате, вглядываясь в лица индусских зрителей, охваченных благоговейным страхом. Продолжая в том же духе в течение какого-то времени, она вдруг бросилась к женщине из толпы, резко направила тарелку на нее и сказала что-то на маратхи, чего, конечно же, мы понять не могли, но что-то, по-видимому, касающееся ее личных дел. Как бы там ни было, эффект был сразу заметен, поскольку женщина, будто в страхе, отступила назад, простерла руки к танцующей пророчице и казалась глубоко взволнованной. То же самое повторилось и с другими зрителями, после чего пророчица, кружась, добралась до середины комнаты, какое-то время перемещаясь туда-сюда, пропела что-то похожее на мантры, а затем выбежала из комнаты через заднюю дверь. Через несколько минут она вернулась, с ее распущенных волос стекала вода. Она снова упала на землю и, как прежде, стала мотать головой, опять взяла поднос с горящей камфорой и повторила представление, набрасываясь на людей и рассказывая им то, что они хотели бы знать. Но на этот раз ее голос был другим, а движения менее судорожными. Нам сказали, что это связано с тем, что она вошла под контроль другой богини, когда погрузила голову в сосуд с водой, находящийся наготове за дверью. Вскоре мы пресытились новизной происходящего и вернулись домой. И ничего более, кроме этого. Вот простые факты, поскольку больше ничего не случилось. Но теперь, если читатель обратится к произведению “Из пещер и дебрей Индостана” (“Логово

О, Нараян!.. Как неряшливо, неаккуратно вращаются миры вокруг нас! Я начинаю серьезно оспаривать их действительность. С этой минуты я начинаю глубоко верить, что все в мире иллюзия – одна *майя*! Я делаюсь веданткой... Я сомневаюсь, наконец, найдется ли в нем что-либо объективнее индусской «ведьмы», вылетающей *в трубу*!..

Проснувшаяся мисс Б*** пожелала узнать, что такое случилось. Ее разбудил шум многих голосов и топот ног убегающей толпы голых людей по направлению к ущелью. Все они, казалось, бежали без оглядки, как бы боялись какой погони и казались очень испуганными...

Затем, облепив себя рассказом о своих впечатлениях и посулив зубную клавиатуру при свете звезд между благосклонною улыбкой и зевком, она снова безмятежно уснула.

На другое утро на заре мы нежно прощались с добродушным Шамрао⁹⁸. Он уже успел прийти в себя после такого поражения и успокоиться от ночного потрясения. Позорно легкая победа Нараяна сильно смущала его. После подобной капитуляции «семи богинь», очистивших⁹⁹ поле битвы при первом толчке от простого смертного, его вера была сильно поколеблена и в «сестер», и в святую отшельницу. Вследствие этого он горячо, хотя и немного сконфуженно, пожал нам руки, и с лучшими пожеланиями его и семейства наши слоны с восседавшими на

ведьмы»), то он увидит, как Е.П.Б[лаватская] их переработала. Вместо жалкой лачуги в густо населенном квартале Бомбея со зрителями, состоящими из кули, мы оказались сидящими на слонах при свете факелов в дремучем лесу на высоте «две тысячи футов выше хребта Виндхья»; мертвая тишина нарушалась мерной поступью слонов; слышались «странные голоса и ропот»; мы спустились с наших слонов и пробирались через заросли кактусов; наша компания состояла из тридцати человек, включая факелоносцев; полковник (то есть я) приказал зарядить все винтовки и револьверы; после того как наши одежды изодрались о колючие груши во время восхождения на вершину, а затем спуска в ущелье, мы достигли «логова» Кангарины (Kangarin) – «индийской Пифии, которая «вела святую жизнь» и обладала пророческим даром». Ее Трофонийская пещера находилась в разрушенном индуистском храме из «красного гранита», а жилье – в подземных катакомбах, где, как считали люди, она жила триста лет.

Площадь перед храмом освещалась огромным костром и была переполнена «нагими дикарями, подобными множеству черных гномов», которые под звуки барабанов и бубнов прыгали в какой-то дьявольской пляске. На нее выпрыгивал и кружился вокруг себя седобородый старик с распростертыми, как крылья, руками и по-волчьи оскалившимися зубами до тех пор, пока не падал, лишенный чувств. На земле, осыпанный цветами, покоился гигантский четверорогий череп «сиватерия».

Внезапно появилась ведьма – нельзя сказать, когда и как. Судя по описанию впечатления от ее первого появления, должно быть, она была красавицей: «скелет высотой в семь футов, обтянутый коричневой кожей с крошечной головой мертвого ребенка, вырастающей из ее костистых плеч, с глазами, посаженными так глубоко и в то же время сверкающими таким дьявольским блеском, продирающим все ваше тело, что вы начинаете чувствовать, как отказывает работать ваш мозг, мысли становятся спутанными, а в жилах стынет кровь». Худший вид очень неприятного типа астральных страшилищ! В течение какого-то времени она неподвижно стояла, держа в одной руке поднос с горячей камфорой, а в другой – рис. Она была похожа на резного идола, ее морщинистую шею обвивали «три ряда золотых медальонов», голову «украшала золотая змея», а ее «уродливое тело, которое вряд ли принадлежало человеку, было обернуто шафранно-желтым муслином». Затем следует описание, как тело ведьмы стало одержимо богиней, ее судорожных движений, ее головокружительных танцев, в которых она двигалась быстрее, чем сухой лист перед ураганом, ослепительного блеска ее глаз, сводящих вас с ума, ее конвульсий, прыжков и дикой адской пляски. Затем приводится рассказ, как в теле ведьмы одна богиня уступала место другой, и так семь раз, как колдунья билась головой о гранитные ступеньки. Далее следует описание ее пророчеств и заклинаний, жуткого танца со своей собственной тенью и тому подобного, изложенного на двадцати страницах так образно и красочно, как это позволяет сделать наш язык: интеллект, который мог создать такое замечательное художественное произведение, принадлежит истинному гению. На протяжении всей книги она привела описания, подобные этому, обрамляя богатой фантазией минимум фактов. Это напоминает то, как свет маленькой лампочки, горячей в голове поезда, собирается параболическими отражателями и усиливается до яркого сияния, превращаясь в своего рода солнце на колесах» (Олкотт Г. Листы старого дневника. Т. II. Гл. 3 // http://www.lomonosov.org/article/listy_starogo_dnevnika_tom_2_gl_3_4.htm).

Гиргаум – пригород Бомбея.

Трофониева пещера – речь идет о подземном оракуле Трофония, находившемся в Беотии в пещере на горе неподалеку от города Лебадия. Трофоний – персонаж древнегреческой мифологии, зодчий, автор храма Аполлона в Дельфах.

⁹⁸ В «Московских ведомостях»: Шамрао.

⁹⁹ В «Московских ведомостях»: упраздненных.

мощных их¹⁰⁰ спинах героями сего правдивого повествования направили свои тяжелые стопы¹⁰¹ к большой дороге и Джабельпуру¹⁰².

Путь нашего самопросветительного паломничества по первоначальному плану лежал на Северо-Западные¹⁰³ провинции, эти *status in statu*¹⁰⁴ Англо-Индии, где о вице-короле знают, но стараются его игнорировать, приказания его принимаются, но мало кто их исполняет, – провинции с правительством деспотическим, подозрительным и неугомонным. Но о них после...

Чтобы снова попасть на Джабельпурскую¹⁰⁵ линию, с которой мы сошли в нескольких милях¹⁰⁶ от Насика, нам приходилось возвращаться на Акбарпур, затем ехать по проселочным дорогам на станцию Саневад, на железную дорогу Холькара, соединяющуюся с Большой индийскою пенинсулярною¹⁰⁷ дорогой. Древние пещеры Багх[a] (Bagh) находились всего за пятьдесят¹⁰⁸ миль от нас на востоке от Манду и являлись сильнейшею приманкой. Мы колебались, не сделать ли нам крюк¹⁰⁹ и снова переехать Нербудду. У нашего бабú за Кандешом, как и везде, оказывалось кумовство, которое здесь зовется «однокастничеством», и мы наперед могли знать, что встретим и в Мальве вездеприсущих, услужливых бенгальских бабú, рассыпавшихся по землям индостанским, как у нас рассеяны жида по России. Кстати же¹¹⁰, к нашему «полку» прибыл еще один товарищ.

Накануне мы получили чрез странствующего и богомольствующего *санньязи* письмо от суамиджа Дайананда. В Хардваре холера усиливалась с каждым днем, и наш еще незнакомый нам союзник снова откладывал наше с ним свидание до конца мая в Дера-Дэне (Dehra-Dun)¹¹¹, у подножия Гималая, или же в манящем туриста своей прохладною прелестью Сахарампуре¹¹², в сорока¹¹³ милях от последнего. Странник вместе с письмом принес нам от *суами* букет самых странных цветов, о которых, полагаю, в Европе не имеют и понятия. Они растут лишь в известной местности в Гималайских долинах, обладают удивительною способностью изменять к полудню цвет и, засыхая, по наружности не увядают. Это прелестное растение (*Hibiscus mutabilis*¹¹⁴) от зари до 10 часов утра распускает цвет, представляющий ночью один клубок сжатых зеленых лепестков, и густо покрывается белоснежными цветами, как большие белые розы, но к полудню розы начинают алеть: все более и более краснея, они, наконец, к четверем часам пополудни делаются темно-пунцового цвета, как пионы. Цветы эти посвящены *азурам* (род пери или ангелов в индийской мифологии)¹¹⁵ и богу *Сурье* (солнцу). Последнее божество, влюбленное с сотворения вселенной в азуру, постоянно нашептывает цветку, в котором приютилась его возлюбленная, о своей пламенной любви. Но азура девственница и посвятила себя с начала времен служению богине чистоты, патронессе всей монашествующей братии. Любовь Сурьи напрасна: азура не слушает его... Но цветок краснеет и теряет наружно свою лилейную чистоту под впивающимися в

¹⁰⁰ В «Московских ведомостях»: семейства в добрый путь наши слоны с восседающими на их мощных.

¹⁰¹ В «Московских ведомостях» далее: в направлении.

¹⁰² Джабалпур (англ. Jabalpur).

¹⁰³ В «Московских ведомостях»: северо-западные.

¹⁰⁴ государства в государстве (лат.).

¹⁰⁵ В «Московских ведомостях»: Джабульпурскую.

¹⁰⁶ В «Московских ведомостях»: сошли несколько миль.

¹⁰⁷ полуостровной (англ. Peninsular).

¹⁰⁸ В «Московских ведомостях»: 50.

¹⁰⁹ В «Московских ведомостях»: крюка.

¹¹⁰ В «Московских ведомостях»: К тому же.

¹¹¹ В «Московских ведомостях»: Дэра-Дэне (Dehra-Dün).

Дехрадуне (англ. Dehradun).

¹¹² Сахаранпуре (англ. Saharanpur).

¹¹³ В «Московских ведомостях»: 40.

¹¹⁴ гибискус изменчивый.

В «Московских ведомостях»: *Posa hibisca mutabilis*.

¹¹⁵ Этих *азур* <В «Московских ведомостях»: «азур»> не следует смешивать с *асурами* или «дьяволами», которых мифологическая история Индии называет первым вторгшимся в страну неприятелем и которые, по всей вероятности, были древние ассирияне. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

него огненными стрелами влюбленного бога... Туземцы называют это растение Lajaloo (скромницей)¹¹⁶.

В ту ночь мы кочевали в долине на берегу ручья, разбив палатки под тенистой смоковницей. Нарочно свернув¹¹⁷ с пути в Бомбей, чтобы повидаться с нами и исполнить поручение суамиджа, санньязи сидел с нами далеко за полночь, рассказывая о своих странствованиях и чудесах своей когда-то великой родины, о старом «льве» Пенджаба Рунджит-Синге¹¹⁸ и его геройских подвигах. Странные, загадочные субъекты встречаются между этими пилигримами. Многие из них чрезвычайно учены, говорят и читают по-санскритски, видимо, следят за современной наукой и политическими событиями и все-таки остаются верными своим древним философским воззрениям. Обыкновенно совершенно нагие, за исключением желто-красного куска опоясывающей им бедра кисеи (да и то по приказанию полиции в городах, где живут европейцы), они странствуют от пятнадцатилетнего возраста по день смерти, умирая почти всегда в глубокой старости, не заботясь о завтрашнем дне и живя буквально как птицы небесные и лилии в долине¹¹⁹. До денег они не дотрагиваются, а живут подаянием и довольствуются горстью риса. Все мирское имущество их состоит из маленькой тыквенной бутылки для воды, четок, медной чашки и посоха. Санньязи и суами большей частью *сикки* из Пенджаба и¹²⁰ монотеисты. Они презирают идолопоклонников и ничего не имеют с ними общего, хотя последние также часто величают себя этими именами.

Но наш новый знакомый был уроженец Амритсира¹²¹ в Пенджабе и воспитан в «Золотом храме», что на *Амрита-Сарас[e]* (озере Бессмертия). Там находится их верховный *гуру* – учитель сикков, который никогда не выходит за пределы своего храма, где он сидит целые дни, изучая священное писание этой странной, воинственной секты – книгу *Адигранта* (*Adigrantha*)¹²². Сикки взирают на него, как тибетские ламы взирают на своего Далай-ламу. Как последний есть воплощение Будды для лам, так амритсарский маха-гуру – воплощение основателя секты для сикков Нанак, хотя по их понятиям Нанак никогда не был божеством, а только пророком, вдохновляемым духом Единого Бога. Таким образом, наш санньязи не был одним из вышеописанных нагих пилигримов, но настоящим *акали* – одним из шестисот священников-воинов, приставленных к «Золотому храму» для божественного служения и его охраны от нападения жадных мусульман. Звали его Рам-Рунджит-Дас, и его наружность вполне соответствовала принадлежащему ему титулу «Божьего воина», как себя величают храбрые акали. Его наружность была чрезвычайно замечательна и типична, и он скорее походил на геркулесоподобного центуриона¹²³ древних римских легионов, нежели на кроткого служителя алтаря, хотя бы и сиккского¹²⁴.

Рам-Рунджит-Дас предстал пред нами верхом на прекрасной лошади в сопровождении другого сикка на почтительном расстоянии, по-видимому, послушника либо слуги. Еще издали он был признан нашими индусами за акали по совершенно отличному от других туземцев костюму. На нем была ярко-голубая туника-безрукавка – совершенно такого покроя, как мы видим на изображениях римских воинов¹²⁵; на его мускулистых огромных руках были широкие стальные браслеты и щит за спиной. На голове конической формы синий¹²⁶ тюрбан, а вокруг стана вместо

¹¹⁶ мимоза стыдливая (*лат. Mimosa pudica*).

¹¹⁷ В «Московских ведомостях»: свернувши.

¹¹⁸ Ранджит Сингх (*Ranjit Singh*, 1780–1839) – махараджа Пенджаба, создатель независимого сикхского государства.

¹¹⁹ Матф. 6, 26, 28.

¹²⁰ В «Московских ведомостях» далее: естественно.

¹²¹ Амритсара (*англ. Amritsar*).

¹²² Ади Грантх (*англ. Adi Granth*).

¹²³ Центурион (*лат. centurio* сотник) в римской армии – командир центурии (военного подразделения римской армии).

¹²⁴ См. «Дурбар в Лахоре», *Русск[ий] вестн[ик]*, май, июнь и июль 1881 года. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

В «Московских ведомостях» это примечание отсутствует.

Речь идет о произведении Е.П.Блаватской.

¹²⁵ В «Московских ведомостях»: на картинах на римских воинах.

¹²⁶ В «Московских ведомостях»: белый.

пояса несколько тяжелых стальных обручей, о которых злые языки и враги сикков говорят, что при случае эти священные пояса становятся в руках опытного «Божьего воина» опаснее, будто бы, всякого холодного оружия.

Кому неизвестна история сикков, самой воинственной и храброй секты во всем Пенджабе? Слово «сикк» (Sikh) означает «ученик». Основанное в XV столетии богатым и благородным брамином Нанаким новое учение так быстро прививалось к северным воинам, что в 1539 году (год смерти основателя) их насчитывали уже до ста тысяч человек; а теперь эта секта, тесно связанная пламенным религиозным мистицизмом и своими воинственными наклонностями, исповедует свою веру по всему Пенджабу. Она основана на принципах теократического правления и ее тайные догматы почти неизвестны европейцам, а англичанам так и совершенно незнакомы. Их учение, взгляды, обряды – все содержится и совершается в величайшей тайне. Знают только одно: сикки строгие монотеисты, не имеют каст и не признают их, едят все, что и европейцы, и – редкое¹²⁷ исключение между индусами – хоронят покойников. Второй том *Адигранты* учит: «Боготворить Единого Бога, избегать суеверий, помогать умершим (?) вести строгую нравственную жизнь и жить мечом». Один из их великих гуру (Говинда¹²⁸, сын махараджи), дабы сделать их вполне отличными от мусульман и других индусов, ввел между ними обычай никогда не брить ни бороды, ни усов и носить длинные волосы. После многих отчаянных сражений сикки, врагами коих являлись теперь индусы столько же, как и магометане, остались победителями. Их вождь, знаменитый Рунджит-Синг¹²⁹, установив собственное верховное владычество в верхнем Пенджабе, заключил в начале этого столетия трактат с лордом Аукландом¹³⁰, и его владения были признаны независимым государством. Но после смерти «старого льва» снова возникли из-за его престола междоусобия между самими сикками. Махараджа Дулип-Синг¹³¹ (его побочный сын от публичной танцовщицы)¹³² оказался до того слабым, что допустил своих сикков, оставшихся дотоле верными союзниками англичан, попытаться отвоевать от них весь Индостан, как когда-то они завоевывали пограничные деревни и крепости в Афганистане. Попытка окончилась плачевно как для буйных сикков, так и для слабого Дулип-Синга¹³³, который, чтобы спастись от своих солдат и заслужить прощение от англичан, принял христианство и был тайно перевезен в Шотландию. Его заменил Гулаб-Синг¹³⁴. Верный слову и политической программе Рунджит-Синга¹³⁵, он отказался сделаться изменником, за что и получил в награду прелестную Кашмирскую долину от перепуганных сикками англичан, а сикки перешли в неволю к ним, как и остальные индусы.

Но еще остаются куки, ветвь от надломленного старого дуба сиккизма. «Куки» – секта сикков и самый опасный элемент в подземном течении индийской народной ненависти. Эта новая секта была основана около 30 лет тому назад Балук-Рамом¹³⁶ и образовалась возле Аттока, в Пенджабе, на восточном берегу Инда, где последний, наполняясь водой из Кабульской речки, впервые делается судоходным. Цель Балук-Рама была двойная: вернуть религию сикков к ее первобытной чистоте и организовать вместе с тем тайное политическое общество, готовое в данную минуту на все. Это братство, состоящее более чем из 60000 человек, связано самыми страшными клятвами и залогами: во-первых, никогда не выдавать своих тайн; а во-вторых, не отказываться ни от какого могущего явиться со стороны начальников приказания. В самом Аттоке, где с жителями крепости

¹²⁷ В «Московских ведомостях»: резкое.

¹²⁸ Гуру Хар Гобинд (1595–1644) – шестой гуру сикхов.

¹²⁹ В «Московских ведомостях»: Рунджит-Синга.

¹³⁰ Е.П.Блаватская ошиблась: договор о дружбе между Англией и государством сикхов был заключен в 1809 г. с Ч.Меткалфом (1785–1846) от имени генерал-губернатора Индии Г.Эллиота (граф Минто, 1751–1814). Дж. Иден (граф Окленд (Аукленд), 1784–1849) был генерал-губернатором Индии в 1836–1842 гг.

¹³¹ В «Московских ведомостях»: Дулип-Синга.

¹³² Далип Сингх (Duleep Singh, 1838–1893) – последний правитель сикхского государства.

¹³³ В «Московских ведомостях»: Дулип-Синги.

¹³⁴ В «Московских ведомостях»: Гулаб-Синга.

Гулаб Сингх (Gulab Singh, 1792–1857) – первый махараджа княжества Джамму и Кашмир.

¹³⁵ В «Московских ведомостях»: Рунджит-Синги.

¹³⁶ Балак Сингх (Balak Singh, 1797–1862) – индийский религиозный лидер сикхов, основатель секты намдхари (куки). Баба Рам Сингх (Baba Ram Singh, 1816–1885) – преемник Балака Сингха.

еле насчитывают две или три тысячи человек, их мало. Нас уверяли, будто «куки» рассеяны по Индии; несмотря ни на какие старания, их совершенно невозможно уличить в чем-либо противозаконном, до такой степени их общество хорошо организовано. Их начальники также неизвестны.

Наш акали подарил нам в тот вечер – только не от суами Дайананда, а от себя – стекляночку¹³⁷ из горного хрусталя, наполненную священной водой из озера Бессмертия. В случае глазной боли или другого недуга он советовал нам помочить ею больное место, уверяя, будто одной капли оной довольно для излечения самой упорной болезни. Вода в стеклянке была необычайно чиста и прозрачна, от того ли, что в Амритсарском *тулао* (резервуаре) воды, по причине множества в нем родников, постоянно переменяются, или от чего другого, но озеро Бессмертия славится во всей Индии¹³⁸ необычайной прозрачностью и чистотой своей воды, несмотря на то, что сотни людей ежедневно окунаются в нем¹³⁹. Когда мы посетили это прелестное озеро или, скорее, бассейн во 150 кв. ярдов¹⁴⁰, то каждый камешек и малейшее на нем пятнышко на довольно глубоком дне виднелись, словно чрез¹⁴¹ чистейшее стекло. Амрита-Сарас – прелестнейшее из всех мест северной Индии. Отражение «Золотого храма» в водах озера представляет нечто волшебное, восхитительное. Один¹⁴² Айвазовский¹⁴³ был бы в состоянии передать эту картину на полотне.

Итак, нам приходилось еще около семи недель¹⁴⁴ колесить с места на место на выбор: по Бомбейскому ли президентству, по Северо-Западным¹⁴⁵ провинциям или же по Раджистану. Что выбрать? Куда ехать? Пред подобным изобилием интереснейших местностей мы колебались как известное животное между двумя стойлами. Мы так много наслышались о дворцах Гайдерабада¹⁴⁶ и Голконды, прямо переносающих путешественника в волшебную обстановку из *Тысячи и одной ночи*¹⁴⁷, что серьезно стали было¹⁴⁸ собираться повернуть наших слонов к Верхнему Синдху¹⁴⁹ и ехать в Гайдерабад в территорию низама¹⁵⁰. Нам хотелось посмотреть на этот «город льва»¹⁵¹, построенный в 1589 году великолепным Мухамед-Кули-Кутб-Шахом¹⁵², которому все так приелось на свете, что ему могла надоесть даже Голконда с ее волшебными замками и сокровищами. Гайдерабад славится своими зданиями, остатками прежнего величия; по словам Мир-Абу-Талиба, хранителя царских сокровищ, Мухамед-Кули-Шах истратил на украшение города в первые годы своего 34-летнего царствования баснословную сумму в 2800000 фунтов стерлингов на английские деньги, хотя самая работа сооружений не стоила ему ни одного *пайса*¹⁵³... Теперь, за исключением этих памятников величия, Гайдерабад имеет вид кучи сора и

¹³⁷ скляночку (*устар.*).

¹³⁸ В «Московских ведомостях»: славится на всю Индию.

¹³⁹ В «Московских ведомостях»: на сотни людей, ежедневно окунающихся в ней.

¹⁴⁰ Ярд – британская единица измерения расстояния, равная 0,9144 м.

150 ярдов = 137 м.

¹⁴¹ В «Московских ведомостях»: через.

¹⁴² В «Московских ведомостях» слово «один» отсутствует.

¹⁴³ Иван Константинович Айвазовский (1817–1900) – художник-маринист.

¹⁴⁴ В «Московских ведомостях» далее: времени.

¹⁴⁵ В «Московских ведомостях»: северо-западным.

¹⁴⁶ Хайдарабада (*англ.* Hyderabad).

¹⁴⁷ В «Московских ведомостях»: Тысячи и одной ночи.

¹⁴⁸ В «Московских ведомостях»: что мы было серьезно стали.

¹⁴⁹ Синду (*англ.* Sindh).

¹⁵⁰ Низам – наследный титул правителей династии Хайдарабадов.

¹⁵¹ *Хайдар* – по-арабски лев, а *абад* – поселение, жилище. Гайдерабад назывался прежде *Бхагнагаром* (счастливым городом), получив свое имя от любимой наложницы шаха Мухамед-Кули, которую звали Бхагмати; но после ее смерти изменили название. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Англ. Bhagnagar, Bhagmati.

В «Московских ведомостях»: город Льва.

¹⁵² В «Московских ведомостях»: Кутб-Шах-Мухамед-Кули.

Мухаммад Кули Кутб-шах (Muhammad Quli Qutb Shah, 1565–1612) – 5-й султан Голконды (1680–1612), основатель города Хайдарабада, поэт, покровитель культуры и искусства.

¹⁵³ В тексте: *писа*.

Пайс (*англ.* pice) – мелкая монета в Индии, до 1950 г. 1/64 часть рупии.

навоза; но зато, по отзывам очевидцев, «Британская резиденция» по-прежнему славится в нем на всю страну и недаром зовется Версалем Индии. История этой резиденции весьма курioзна и ясно характеризует англо-индийские нравы.

В 1788 году, вероятно вообразив себя калифом, – anch'io son pittore¹⁵⁴ (резиденты суть настоящие калифы), – ирландец, полковник Киркпатрик¹⁵⁵, занимавший в те дни эту выгодную при низаме должность, задумал начать постройку настоящей резиденции, конечно, на счет гайдерабадского властелина. Здание явилось одним из чудес света. Оно соединяет волшебные сады Семирамиды с роскошью французских дворцов времен регентства. Двадцать две ступени, каждая из цельного куска розового гранита громадных размеров в ширину, украшенные по обеим сторонам колоссальными сфинксами, ведут к портику, во всю ширину коего гигантские коринфские колонны из чистого белого мрамора возносятся до самого верхнего этажа главного здания. Эти колонны на 8 вершков¹⁵⁶ выше колонн знаменитой «Залы тысячи колонн» челамамбраского¹⁵⁷ храма в Мадрасской резиденции¹⁵⁸. Полы из черного и белого мрамора; надо всеми дверями вделаны гербы Ост-Индской Компании и Англии; в иных куски чистого золота заменяют бронзу львов. Если ведущая под портик лестница справедливо считается «величайшею и роскошнейшею лестницей в Индии», то приемной зале резиденции может позавидовать любая зала царских дворцов Европы. Она занимает фасад дворца во всю длину и по обеим ее сторонам, как в знаменитых соборах, тянутся в два ряда мраморные колонны. Как в Челамаме¹⁵⁹, где «зала тысячи колонн» так названа, вероятно, потому, что в ней 936 колонн, так и зала резиденции именуется «стоколонною залой», ибо в ней лишь по 32 колонны в ряд, итого 64, что и так весьма почтенно. Но кроме колонн резной мраморной и бронзовой работы, в этой зале находятся ниши, в которых поставлены статуи индусских и греческих богов и богинь – произведения лучших того времени скульпторов Италии. Все портьеры из малинового, шитого золотом бархата; красного дерева с инкрустациями мебель покрыта такою же материей; 60 зеркал между окнами, цельные, во всю стену, от потолка до полу, в самых дорогих оправках, и три люстры, которым индусы, строившие этот дворец, одно время поклонялись как богам, были выписаны за баснословную цену из Франции. Таковы главные черты этого достойного Алладина дворца, в котором ныне проживают резиденты, обязанность коих – по известному благородному предлогу, выбранному¹⁶⁰ Англией для присоединения себе индийских провинций, – стоять защитниками и посредниками между притесненным народом и их «не умеющими управлять¹⁶¹» влиятельными князьями Индии. Народ, между тем, периодически умирает целыми миллионами *с голоду*, тогда как одно освещение британской резиденции в приемные вечера, по *официальным отчетам*, обходится казне в 1000 фунтов за один вечер...

О, Тартюф¹⁶²! Не Великобританией ли ты прозываешься?..

Но это еще пустяки в сравнении с прошлым. В *Истории Гайдерабада* (Эдуарда Уэствика¹⁶³) мы читаем следующее: «В то время как резиденты принимали мужчин, их супруги увеселяли женский пол в отдельном и столь же, если не более, великолепном дворце, отстоящем в нескольких сажнях от главного и известном под названием “Ранг Махалла”¹⁶⁴. Как и первый, он был построен полковником Киркпатриком, бывшим министром при дворе низама. Вступив в брак

В «Московских ведомостях»: *пайса*.

¹⁵⁴ я тоже художник (*ит.*) – восклицание, вырвавшееся у Корреджо при виде картины Рафаэля «Сикстинская мадонна» и вошедшее в поговорку как проявление уверенности художника в своем призвании и его мастерстве в той или иной области.

¹⁵⁵ Джеймс Киркпатрик (1764–1805) – британский резидент в Хайдарабаде (1798–1805).

¹⁵⁶ 36 см.

¹⁵⁷ челамамбраского (*англ.* Chelambra).

¹⁵⁸ В «Московских ведомостях»: президентии.

¹⁵⁹ Челамаме.

¹⁶⁰ В «Московских ведомостях»: в известном благородном предлоге, выбранном.

¹⁶¹ В «Московских ведомостях» далее: бедными подданными.

¹⁶² Тартюф – действующее лицо в одноименной комедии Мольера, лицемер и ханжа, его имя стало нарицательным.

¹⁶³ Эдуарда Иствика.

¹⁶⁴ В книге Э.Иствика «Справочник для Индии»: Rang Mahall.

с индийской принцессой¹⁶⁵, он соорудил нарочно для нее эту очаровательную обитель. Обнесенный по азиатскому обычаю высокою стеной, центр сада украшен большим мраморным бассейном со сценами истории Рамаяны, выложенными мозаикой на стенах. Павильоны¹⁶⁶, галереи¹⁶⁷, террасы – все в этом саду украшено в самом богатом вкусе восточной архитектуры, то есть с изобилием мозаики, живописи, позолоты, слоновой кости и мрамора. На празднествах, даваемых мистрис Киркпатрик, являлись “наотчи” (профессиональные танцовщицы) в великолепных одеяниях – подарки “великодушного” резидента. На некоторых из наотчей¹⁶⁸ насчитывали более чем на 30000 фунтов стерлинг[ов]¹⁶⁹ драгоценностей, и они, положительно, сияли с головы до ног алмазами и другими камнями¹⁷⁰...¹⁷¹

Слава Ост-Индской Компании, во времена которой компанейские резиденты могли так «великодушничать» на счет принцев, уже поблекла: теперь ни резидентам, ни самим принцам ничего не осталось. Как древние алхимики, англичане расплавили, в надежде найти философский камень политики, все золото Индостана; и даже самую Индию – «драгоценнейший алмаз в короне Англии» – истолкли в прах, растопили и обуглили. Счастливы еще будут они, если Афганистан ограничится тем, что вместо ожидаемой «придачи», для вящего блеска к их обугленному «алмазу» Индии, он их самих не истолчет в мелкий порошок в своей заколдованной ступе¹⁷²...

Рассказы о чудесах гайдерабадских разжигали наше любопытство, и мы стремились увидеть воочию эту волшебную страну. И Нараян, и бабú, оба несколько раз побывали там, а у Нараяна находились там даже и родственники. Особенно прельщал он нас своими рассказами и описаниями, так как был знаком с каждым уголком центральной Индии. Грустно отражалось в его красноречивых сказаниях все великое прошлое Индии, великое еще так недавно – в прошлом столетии, в сравнении с ее горьким настоящим положением. Как низко упала эта красавица Востока, к ногам которой стремились некогда все мудрецы Греции и богатствам коей завидовали все цари земные!.. Попранное во прах, забытое¹⁷³ – все в ней теперь гложет, постепенно замирает и исчезает, начиная от малейшего национального порыва, тотчас же подавляемого ревнивою, подозрительною Англией, и кончая¹⁷⁴ когда-то роскошными, девственными лесами... ныне падающими сотнями десятин¹⁷⁵ разом под топором железнодорожных промышленников...

Было нечто необычайно пленительное в этих простых рассказах бедного индуса. Словно последнею песней лебедя звучала в них нота патриотизма, забытого, сдержанного, но столь же пламенного, как и любовь к родине его славных дедов, заставлявшая их когда-то жертвовать не только богатством и собственною жизнью, но даже жизнью всех им близких – жен, детей – во¹⁷⁶ славу отечества под победоносным знаменем Сиваджи. Напрасно англичане воображают, что своими строгими мерами и западным воспитанием, с одной стороны, и отвратительным поддакиванием и покровительством идолопоклонству, с другой, они выбрали самую благоразумную систему управления. Посредством первого¹⁷⁷ они успешно заменяют, конечно, фальшивую, но все же искреннюю религию положительным атеизмом; а вторым они только угождают невежественным массам, которых им решительно нечего бояться. Если бы с этой стороны существовала хотя малейшая опасность, то обезоруженные ими идолопоклонники могли бы давно безо всяких ружей и кинжалов, а одними бронзовыми и каменными идолами,

¹⁶⁵ Англ. Khair-un-Nissa.

¹⁶⁶ Павильоны (устар.).

¹⁶⁷ Галереи.

¹⁶⁸ В «Московских ведомостях»: них.

¹⁶⁹ В «Московских ведомостях»: фунт. стерл.

¹⁷⁰ См.: Eastwick E. A Handbook for India. Part I. Madras. London, 1859. P. 83–84 <Иствик Э. Справочник для Индии. Часть I. Мадрас. Лондон, 1859. С. 83–84>.

¹⁷¹ В «Московских ведомостях»: камнями...»

¹⁷² Речь идет о Второй англо-афганской войне 1878–1881 гг.

¹⁷³ В «Московских ведомостях»: Попранная во прах, забытая.

¹⁷⁴ В «Московских ведомостях»: подозрительною ногой Англии, и кончая ее.

¹⁷⁵ Десятина – старая русская единица земельной площади. Применялось несколько разных размеров десятины, в том числе «казённая», равная 2400 квадратным сажням (109,25 соток, 1,09 га) и использовавшаяся в России до введения метрической системы.

¹⁷⁶ В «Московских ведомостях»: близких – женою, детьми – за.

¹⁷⁷ В «Московских ведомостях»: Первым.

высылаемыми сюда ежегодно из Бирмингама¹⁷⁸ тысячами, побить ненавистных им *фёрринг[ов]* и утопить их в море. Опасность, стало быть, является со стороны *образованных* патриотов, самое святое чувство коих – любовь и преданность к родине – англичане¹⁷⁹ попирают ногами при всяком удобном случае. Чем образованнее, развитее становится индус, тем горше¹⁸⁰ для него делается сравнение настоящего с тем, что было. Приведем один пример из тысяч: индусы более всего гордятся своею прошлою цивилизацией, величию родины в те дни, когда Европа еще была погружена чуть ли не во мрак каменного периода. По единодушному мнению путешественников и особенно антиквариев, интереснейшим зданием в Гайдерабаде считается «Чахар-Минар»¹⁸¹, когда-то знаменитая коллегия в Индии, построенная султаном Мухамед-Кули-ханом на развалинах еще древнейшей коллегии. Она выстроена на перекрестке четырех главных улиц на четырех арках; под ними свободно проходят высоко навьюченные верблюды и слоны с башнями. Над этими арками возвышается на несколько ярусов само здание коллегии; каждый ярус был предназначен особенному отделу науки. Увы! Прошли те дни, когда Индия изучала философию и астрономию у ног своих туземных мудрецов. Теперь эти ярусы превращены англичанами в складочные магазины. В зале, где изучали астрономию и стояли курьезные инструменты средневековой эпохи, теперь сложен опиум; а залу философии наполняют огромные ящики с ликерами и запрещенными как Кораном, так и браманами ромом и напитком «вдовы Клико»¹⁸².

Мы совсем было собрались в Гайдерабад, когда наши чичероне и товарищи одним словом привели нас в ужас, расстроив разом все наши планы. Дело в том, что в продолжение шести так называемых «жарких» месяцев в году термометр в Гайдерабаде (в Нижнем Синдхе) стоит на 98° в тени (по Фаренгейту)¹⁸³, а температура воды в Индусе достигает теплоты крови; в Верхнем же Синдхе, где чрезвычайная сухость воздуха вместе с бесплодностью песочного грунта делают из климата этой страны нечто схожее с прелестью температуры африканских пустынь, термометр беззастенчиво доходит до 130° в тени (по Фаренгейту)¹⁸⁴. Недаром несчастные миссионеры испытывают здесь такую постоянную неудачу: понятно, что среди населения, спокойно вращающегося при таком пекле, самые красноречивые дантовские «описания ада» не в состоянии произвести на местного жителя ничего, кроме разве «прохлаждающего» впечатления.

Рассчитав, что отправиться в Бхаг нам нет препятствия, но что нечего и думать ехать теперь в Синдх, мы успокоились. Затем мы решили общим советом покинуть всякую идею о заранее определенном маршруте и путешествовать наудачу, куда глаза глядят. Вследствие такого плана мы отослали на другой же день наших слонов и незадолго до солнечного заката подъезжали уже в *тонгах* к слиянию Вагреи и Гирны, двух знаменитых в летописях индийской мифологии речонок, блистающих чаще всего своим отсутствием, особенно летом. Пред нами, словно притаившееся у противоположного берега чудовище, зияла своими четырьмя отверстиями гора, будто моргая в сумрачном тумане своими впальми, черными глазами... То были пресловутые Бхагские пещеры...

Мы могли бы тотчас же перебраться к ним на пароме, но на этот раз благоразумие взяло верх над привлекательною перспективой ночи, проводимой¹⁸⁵, как в Карли, в пещерах древних отшельников. К тому же наши индусы и даже *тангаваллы* с паромщиками отказались наотрез сопутствовать нам. Первые – потому что даже днем опасно посещать пещеры, не послав туда предварительно людей с факелами и вооруженных *шикари* (охотников). Эта часть Амджирского¹⁸⁶ раджа изобилует дикими зверями, особенно тиграми, которых, как видно, наравне с бенгальскими бабу¹⁸⁷, можно встретить всюду по Индии. Вторые же протестовали потому, что после заката солнца ни один индус не согласится подойти на милю к пещерам. Одни *беллати* со своими «глупыми географическими понятиями» видят в реках Вагрее и Гирне простые речки; в сущности

¹⁷⁸ Бирмингем (*англ.* Birmingham) – крупный промышленный центр Англии.

¹⁷⁹ В «Московских ведомостях»: они.

¹⁸⁰ В «Московских ведомостях»: горьче.

¹⁸¹ Чарминар (*англ.* Charminar).

¹⁸² «Вдова Клико» – французское белое шампанское.

¹⁸³ 37° С.

¹⁸⁴ 54° С.

¹⁸⁵ В «Московских ведомостях»: проведенною.

¹⁸⁶ Амджирского (*англ.* Ajmer).

¹⁸⁷ В «Московских ведомостях»: бабу.

же, то боги-супруги, Шива и Парвати; это во-первых. А во-вторых, бхагские тигры не простые тигры, как думают *саабы*, а слуги *садду*, святых чудодеев, уже много веков обитающих в этих пещерах; они частенько – даже и «оборотни» этих самых¹⁸⁸ вековых старцев; и никто из них – ни боги, ни садду, ни оборотни, ни тигры – не любят, чтоб их тревожили ночью...

Нечего было делать. Грустно взглянув по направлению пещер, мы снова полезли в наши допотопные экипажи и поплелись далее. Бабу́ с Нараяном решили, что мы переночуем у некоего «кума» в городке Бхаг, от которого мы находились всего в трех милях.

Изумительны и непонятны, как и многое другое в Индии, географические и топографические распределения несметных территориальных владений в этой стране. Здесь политические соображения словно постоянно играют в «кастет»¹⁸⁹, изменяя, убавляя, прибавляя; у одного отымая, другому передавая. Чтó вчера принадлежало одному радже или такуру, сегодня находится уже в руках¹⁹⁰ другого. Например: мы находились тогда в радже или штате Амджир, в Мальве, и ехали в Бхаг-городок, который также принадлежит Мальве и включен в Амджирский радж. Мальва (на словах) составляет независимое владение Холькара, однако же, радж Амджирский принадлежит не Тукуджи-Рао Холькару, а сыну независимого раджи Амджирского, которого англичане в 1857 году «по ошибке» повесили, а затем позабыли возратить радж его наследникам. Городок Бхаг и пещеры принадлежат, по какому-то странному стечению обстоятельств, махарадже Синдии Гвалиорскому¹⁹¹, который, впрочем, сам не владеет оными, а подарил Бхаг с его 9000 рупий дохода одному бедному родственнику, у которого, между тем, отнял его¹⁹² один раджпутский такур, да так и не отдает. Бхаг находится на дороге из Гуджерата в Мальву в самом так называемом Уйдепурском ущелье, и поэтому ущелье составляет собственность махарани Уйдепурского. Построенный на вершине заросшего лесом холма, Бхаг пока как спорная собственность не принадлежит никому, но зато маленькая крепость его, в толстые ворота которой мы скоро и въехали, составляет *частную* собственность вместе с находящимся в нем базаром некоего «дхани», то есть вождя бхималахского племени, по словам нашего бабу́¹⁹³, «великого вора и разбойника», который вдобавок оказался его «кумом»...

– Да как же вы ведете нас к человеку, на которого указываете как на вора и разбойника? – робко осведомились мы.

– Он «вор и разбойник» в *политическом* только смысле. Иначе он превосходный человек и самый верный друг. А без него мы и с голоду умрем: ведь базар его собственность, – очень хладнокровно отвечал бенгалец.

Кум оказался, впрочем, в отсутствии;¹⁹⁴ нас принял его родственник и, насколько мы поняли, помощник *бхамии*¹⁹⁵ (начальника). Нам отвели сад, и едва мы успели разбить палатки, как со всех сторон стали приносить нам провизию. Каждый выходящий из палатки бросал на землю через плечо бетель и мелкий сахар – приношение иностранным духам, которые-де непременно должны были нам всюду сопутствовать. Наши индусы просили нас, впрочем, *не смеяться*, говоря, что это здесь, в глуши, очень опасно.

Рассуждать с этим народом оказалось напрасным. Мы были в центральной Индии, гезде всех суеверий страны, и окруженные *бхиллями* (Bhils). Вдоль всего горного хребта Виндии, от Джама, на западе «мертвого города» и кругом всей Раджпутаны, страна густо заселена этим племенем, самым храбрым, разбойничьим и суеверным из всех полудиких племен Индии. Несколько слов о них окажутся, может быть, небезынтересными.

---

¹⁸⁸ В «Московских ведомостях»: самих.

¹⁸⁹ В «Московских ведомостях»: «кастеты».

Кастет (*фр. casse-tête*) – игра головоломка-мозаика, представляющая собой набор выточенных геометрических фигур и книги с нарисованными изображениями; задача играющих – сложить фигуры так, чтобы повторить рисунок в книге.

¹⁹⁰ В «Московских ведомостях» далее: такуру, уже сегодня находится в руках у.

¹⁹¹ Джаяджи Рао I Синдия (1835–1886) – махараджа Гвалиора (1843–1886).

¹⁹² В «Московских ведомостях»: оный.

¹⁹³ В «Московских ведомостях»: бабу.

¹⁹⁴ В «Московских ведомостях» далее: и.

¹⁹⁵ В «Московских ведомостях»: *бхомии*.

Ориенталисты уверяют, будто название «бхилль» происходит от санскритского корня *bhil* (отпадать, разлучаться); сэр Дж. Мальколм¹⁹⁶ полагает поэтому, что бхилли суть раскольники, отпавшие от браманской религии и затем выгнанные из касты¹⁹⁷. Все это, быть может, и так; но их племенные предания говорят иное. Конечно, здесь, как и везде, к истории примешана мифология и до их родословного дерева приходится добираться чрез густую чашу вымысла. Проведший с нами вечер родственник отсутствующего бхамии рассказал нам следующее:

Бхилли или *билли* – потомки одного из сыновей *Махадевы* (бога Шивы) от¹⁹⁸ прекрасной чужеземной женщины с голубыми глазами и белым лицом, которую бог нечаянно встретил за *калапани* (за черною¹⁹⁹ водой, за морями) в лесу. Из нескольких родившихся от этого союза сыновей один, столь же замечательный своею красотой, как и порочностью, убил любимого быка Махадео и был за это изгнан родителем опять *за моря*, в Джодпурскую²⁰⁰ пустыню. Загнанный в самый южный ее угол, он здесь женился, и вскоре его потомки переполнили страну. Они рассыпались по всему протяжению Виндийского хребта и начали селиться на западной границе Мальвы и Кандеша, а позднее на лесистых и диких берегах рек Махи, Нармады и Тапти²⁰¹. И все они, наследовав красоту прародителя, наследовали вместе с голубыми глазами и светлым цветом лица разбойничьи наклонности и всю порочность его. «Мы воры и грабители (наивно говорил нам родственник честного «кума» баб́у), потому что так приказал отец нашего прародителя – могучий Махадео-Шива. Послав его каяться в пустыню, он (то есть бог) сказал ему: “Иди окаянный, убийца невинного брата твоего, моего сына, быка²⁰² Нарди²⁰³. Иди... и живи изгнанником и разбойником на страх братиям твоим”... Так как же мы осмелились бы послушаться приказаний нашего великого бога? Наши малейшие действия совершаются сообразно с распоряжением наших *бхамий*; а так как последние суть потомки Надир-Синга, первого *бхилалы* (плод от супружества раджпута с бхилльскою женщиной), то бхамии и считаются нами прямыми посредниками между нашим народом и Махадео-Шивою»...

Такова власть над бхиллями этих «посредников», что самые ужасные преступления совершаются по одному их слову. Само племя нашлось вынужденным, дабы хоть сколько-нибудь обуздать их безусловную власть, назначить род советников в каждой деревне; этих советников они называют *тарви*²⁰⁴, иногда сдерживающих этих безумно-разбойничьих *дхани*, или лордов. Но их честное слово свято, а гостеприимство безгранично²⁰⁵.

Истории и летописи раджпутских принцев Джодпура и Уйдепура подтверждают эту легенду о бхилльской эмиграции из их первобытной пустыни, но²⁰⁶ откуда они явились туда, никто не знает. Годд положительно уверяет, что «бхилли» – аборигены Индии, как мины²⁰⁷, мерасы²⁰⁸, гоанды²⁰⁹ и те племена, что обитают в нербудских²¹⁰ лесах. Только почему же рядом с почти

¹⁹⁶ В «Московских ведомостях»: Ж.Мальколм.

¹⁹⁷ См.: *Malcolm J. Essay on Bhils* <Малькольм Дж. Очерк о бхилах> // *Transactions of the Royal Society of Great Britain and Ireland, 1827, Vol. I.*

¹⁹⁸ В «Московских ведомостях»: потомки *Махадео* (бога Шивы) от одного из сыновей его и.

¹⁹⁹ В «Московских ведомостях»: горною.

²⁰⁰ В «Московских ведомостях»: Джодпурскую.

Джодпурскую (*англ.* Jodhpur).

²⁰¹ *Англ.* Mahi, Narmada, Tapti.

²⁰² Странно, что бык *Апис*, священное животное у египтян, в такой же почести и у последователей Зороастра, как и у индусов. Бык *Нарди*, создание Шивы, эмблема жизни в природе, – сын творческого отца или оживотворяющий дух его. Ормазд сотворяет быка, а Ариман убивает его. Аммиан Марцеллин в одном из своих сочинений упоминает о книге, в которой рассчитан *точный возраст* быка Аписа – ключ к тайне мироздания и исчислениям по циклам. Браманы тоже объясняют аллегорию о быке Нарди – аллегорией о продолжении *жизни* на земном шаре. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Аммиан Марцеллин (ок. 330 – после 395) – древнеримский историк.

²⁰³ Нандин, Нанди (*санскр.* Nandin).

²⁰⁴ *Англ.* tarwis.

²⁰⁵ Здесь в издании «Из пещер и дебрей Индостана» 1912 года появилось примечание: «Совершенно как у кавказских татар».

²⁰⁶ В «Московских ведомостях»: пустыни; но.

²⁰⁷ *Англ.* Meena.

²⁰⁸ меры (*англ.* Mera, Moger).

²⁰⁹ гонды (*англ.* Gondi, Gond).

африканскими типами прочих холмовых племен бхилли гораздо²¹¹ светлее прочих и даже часто с голубыми и серыми глазами? Что все эти аборигены довольствуются названиями *бхомапутра*²¹² и *ванапутра*²¹³, то есть «сыны земли» и «дети лесов», в то время как раджпуты, их первые покорители, именуют себя *сурьяванзами*, а брамань²¹⁴ *индупутрами*²¹⁵ – потомками солнца и луны, еще очень не многое доказывает. В настоящем случае, как мне кажется, их наружность, подтверждающая их предания, имеет гораздо более веса и значения, нежели филология. Как весьма логично выразился Др. Кларк²¹⁶, «обратив должное внимание на следы древних суеверий народа, мы гораздо легче и вернее доберемся до их первобытных прадедов, нежели научными наблюдениями над их языком; ибо суеверия их привиты к самому корню, а язык подвержен всевозможным изменениям».

Но до сих пор все то, что мы знаем из истории этого народа, сжато в нескольких словах вышеприведенного предания да в самых древних песнях их бардов. Поселясь²¹⁷ в Раджистане, эти барды, или *бхаты*, навещают бхиллей ежегодно, дабы не терять из виду подвиги своих соотчичей. Их песни – та же история, так как бхаты существуют в их племени с незапамятных времен, воспевая эти подвиги для грядущих поколений, что составляет их прямую и наследственную обязанность. Заметим кстати, что нет во всей Индии мало-мальски воинственного племени, у которого бы не было своих народных бардов. А в самых древних песнях бхилльских *бхатов* их начало происходит «из-за морей»²¹⁸, то есть где-нибудь в Европе. Некоторые ориенталисты, особенно Тодд, желают доказать, что раджпуты, покорившие бхиллей, – пришельцы-скифы²¹⁹, а бхилли – аборигены Индии. В доказательство этого они приводят черты, общие обоим народам, как, например: 1) поклонение оружию – мечу, копью, щиту и коню; 2) поклонение и жертвоприношение солнцу (которому скифы, поклонявшиеся мечу как главному божеству, между прочим, вовсе и не поклонялись); 3) страсть к азартным играм (которая у китайцев и японцев развита еще более); 4) обычай пить кровь врага из черепа (что делают и некоторые краснокожие аборигены Америки) и т.д. Конечно, здесь не место входить в научные этнологические диспуты, но все же невозможно не заметить, как странно иногда рассуждают ученые люди, когда им приходится защищать излюбленную ими идею. Довольно вспомнить, до какой степени история *древних скифов* запутана и темна сама по себе²²⁰, чтоб убедиться, как неосновательно делать подобные выводы, основываясь лишь на²²¹ слабых исторических данных, которые мы имеем под рукой о тех народах, коих²²² обыкновенно включают в общее название *скифов*. Что между обычаями древних скандинавов, поклонников Одина²²³ (страна коих была действительно занята скифами за 500 лет до Р.Х.), и обычаями раджпутов есть много поразительно общего, это неопровержимо. Только такая тождественность дает, по крайней мере, столько же, если не более, права раджпутам указывать на *нас* как на «колонию ушедших на запад

---

²¹⁰ нербуддских (англ. Nerbudda).

²¹¹ В «Московских ведомостях»: же в таком случае рядом с почти африканскими типами прочих холмовых племен бхилли являются настолько.

²¹² бхумипутра (санскр. Bhūmi-putra).

²¹³ ванапутра (санскр. Vana-putra).

²¹⁴ В «Московских ведомостях»: *сурьяванзами* и.

²¹⁵ Англ. Indu-putra.

²¹⁶ *Travels in Scandinavia*. Vol. I, p. 33 <«Путешествия по Скандинавии». Т. I, с. 33>. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

Это сочинение написал Эдвард Даниэль Кларк (1769–1822) – английский священник, естествоиспытатель, минералог, путешественник, писатель, автор многотомного сочинения «*Travels in various countries of Europe, Asia and Africa*» («Путешествия по различным странам Европы, Азии и Африки»).

²¹⁷ В «Московских ведомостях»: Поселившиеся.

²¹⁸ В «Московских ведомостях»: происходит «за морями».

²¹⁹ В «Московских ведомостях»: пришельцы-скифы.

²²⁰ В «Московских ведомостях»: сама собою.

²²¹ В «Московских ведомостях»: выводы на одних.

²²² В «Московских ведомостях»: которых.

²²³ Один – верховный бог в германо-скандинавской мифологии.

сурьяванзей», как и нам уверять, что раджпуты – «перекочевавшие в Индию скифы»²²⁴. Скифы Геродота²²⁵ и скифы Птолемея и римских писателей – две совершенно различные народности. Первый называет Скифией страну от устья Дуная до Азовского моря (по Нибуру²²⁶), до устья Дона (по Роулинсону²²⁷); а Скифия²²⁸ Птолемея – страна исключительно азиатская, включающая всю северную Азию от Волги до Серики (Китая). К тому же, эта Скифия была разделена западной частью Гималаев, называемую римскими историками «Imaus», на Скифию *intra*²²⁹ Imaum²³⁰ и на Скифию *extra*²³¹ Imaum^{232 233}. При подобной неопределенности, быть может, раджпуты и действительно *азиатские скифы*, а скифы – *европейские раджпуты*. Только нынешние раджпутские воины никак не соответствуют описанию наружности скифов, какое находим у Гиппократ: «Тела у этих людей (говорит отец медицины) толстые, грубые, приземистые; суставы их слабы и вялы, животы отвислые, волос на них почти нет и каждый из них походит на другого». Кто, познакомившись с воинами Раджистана, с этими стройными, гигантского роста молодцами, с длинными волосами и обросшими бородой лицами, узнает в них портреты скифов по Гиппократу? К тому же, скифы – кто бы они ни были – *хоронили* своих покойников, чего раджпуты, если судить по их древнейшим летописям, никогда не делали. Скифы были кочевым народом и описаны Гезиодом²³⁴ как «люди, живущие в кибитках и повозках и питающиеся кобыльим молоком» (кумысом). Раджпуты же народ испокон века оседлый, живущий в городах и имеющий свою историю, по крайней мере, за несколько сот лет до Р.Х. (ранее времен Геродота). И если они празднуют *асвамедду*²³⁵ (жертвоприношение лошадей), то уж до «кобыльего молока» никогда не дотронутся и презирают монголов. Геродот говорит, что скифы, называвшие себя *сколотами*²³⁶, ненавидели более всего чужеземцев и выгоняли их из своих мест; а раджпуты – один из гостеприимнейших в мире народов... Наконец, история довольно ясно указывает нам скифов в войне с Дарием (516 лет до Р.Х.), а в те времена скифы еще сидят на своих местах, возле Дуная. В те же времена раджпуты уже были известны в Индии и имели свое царство. Что же касается *асвамедды* (жертвоприношения²³⁷ лошадей солнцу), на котором Тодд основывает главное свое доказательство, напоминая, что скифы тоже приносили в жертву лошадей, то этот обряд упоминается как в *Риг-Веде*, так и в *Айтарее Браманах*²³⁸. О последнем же сочинении Мартин Хауг говорит, что, по всем вероятностям, оно уже существовало за 2000–2400 лет до Р.Х.

²²⁴ Наше презрение к татарам уменьшилось бы на добрую долю, говорит Пинкертон, если бы мы только не забывали, в каком мы близком с ними родстве, что наши предки выходцы из северной Азии и что наши обычаи, законы и образ жизни были первоначально одни и те же, что и у них, словом, что мы не более как колония татар... Кимвры, кельты и галлы, завладевшие северной частью Европы, – разные имена одного и того же вышедшего из Татарию народа. Кто были готы, гунны, шведы, вандалы, франки, как не рои одного улья? Хроники Швеции указывают на Кашгар как на родину, из которой вышли шведы. Сходство между языками саксов и кипчаков поразительное; а кельтский язык, существующий доселе в Бретани и Вельсе, служит лучшим доказательством того, что их жители потомки татарских наций. – *Примечание Е.П. Блаватской.*

Джон Пинкертон (1758–1826) – шотландский историк, географ, нумизмат, писатель, автора труда «A Dissertation on the Origin and Progress of the Scythians or Goths» («Трактат о происхождении и развитии скифов или готов»).

Вельс (*англ.* Wales) – Уэльс.

²²⁵ Геродот Галикарнасский (ок. 484 – ок. 425 до н.э.) – древнегреческий историк.

²²⁶ Георг Нибуру Бартольд (1776–1831) – немецкий историк античности, филолог и государственный деятель.

²²⁷ Генри Роулинсон (1810–1895) – британский археолог, ассириолог, лингвист и дипломат.

²²⁸ В «Московских ведомостях»: скифы.

²²⁹ *интра (лат.)* – внутри.

²³⁰ В «Московских ведомостях»: Imaum.

²³¹ *экстра (лат.)* – вне, снаружи.

²³² В «Московских ведомостях»: Imaum.

²³³ В «Московских ведомостях» далее: В этом последнем случае и.

²³⁴ Гесиод (VIII–VII до н.э.) – первый исторически достоверный древнегреческий поэт.

²³⁵ ашвамедху (*санскр.* aśvamedhá).

²³⁶ В «Московских ведомостях»: сколоты.

Skolotoi – так у Геродота (История, 4, 6).

²³⁷ В «Московских ведомостях»: жертвоприношение.

²³⁸ В «Московских ведомостях»: *Айтарея Браманах.*

Айтарея-брахмане (*англ.* Aitareya Brahmana).

Сознаюсь, от кума бабú до скифов и раджпутów допотопных времен – отступление довольно долгое. Опасаясь усыпить читателя²³⁹, спешу вернуться к пещерам.

Пока местные *шикари* под водительством²⁴⁰ воинственного акали отправлялись вытравливать могущих находиться в пещерах тигров и оборотней, наш бхиль получил для нас позволение присутствовать при совершавшейся в городе свадебной церемонии. Браман выдавал замуж дочь, и ее в тот же²⁴¹ день венчали. Эти новые для нас церемонии были так занимательны, что день прошел незаметно. Когда мы вернулись домой, то было уже поздно ехать в пещеры, и мы отложили поездку до следующего дня. Между тем опишу виденные нами празднества, тем более занимательные, что обряды сватовства, обручения, свадьбы и т.д. не изменялись в Индии, по крайней мере, за последние два тысячелетия. Они совершаются по предписанию Ману и без малейшей вариации на древнюю тему. В своих религиозных воззрениях Индия как бы кристаллизовалась, и кто видел брак индусов в 1879 году, знает²⁴² его наверное и в древней Ариаварте за 1000 лет до настоящей эры.

---

²³⁹ В «Московских ведомостях»: Опасаясь слишком сильных жалоб.

²⁴⁰ В «Московских ведомостях»: предводительством.

²⁴¹ В «Московских ведомостях» союз «же» отсутствует.

²⁴² В «Московских ведомостях»: видел.